ОЛИВІЯ,

АГЛИНСКОЙ РОМАНЪ,

Переведенный вольно съ Аглинскаго языка на Французской Гжею. Д* *, а съ сего на Россійской

М. К.

Часть II.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1789.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Оливія, Агнинской Романъ, Часть II, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОЛИВІЯ.

ГЛАВА I.

Между тѣмъ, какъ Оливія провождала дни свои въ тоскѣ объ отсутствіи мужа, котораго она любила, Миссъ Пелгамъ готовилась заключить союзъ, къ которому до сего времени чувствовала она великое отвращеніе. Она увѣдомила свою пріятельницу, что она не могла избѣжать, чтобъ не попасться въ сѣти, которыя она имѣла намѣреніе разставить для своего любовника, дабы испытать искренность его чувствованій. „Вотъ какъ, увѣдомляла она ее, поступила я, чтобъ разбить свои сомнѣнія. Какъ по возвращеніи моемъ въ Лондонъ Сиръ

Робертъ Клиффордъ изъявлялъ мнѣ живѣйшее усердіе, то я притворилась сначала совершенно безпристрастною; но видя, что онъ не уменьшалъ своего жару, возъимѣла я подозрѣніе, не большое ли имѣніе, которое онъ долженъ былъ получить, женившись на мнѣ, побудило его постоянно пребывать въ своемъ намѣреніи. Почему сообщила я свои сомнѣнія отцу своему, и согласила его употребить хитрость, которая должна была увѣрить меня въ истинныхъ чувствованіяхъ сего страстнаго любовника.,,

,,Пронесшаяся о моемъ отцѣ слава, что онъ былъ богатѣйшій Банкиръ, вспомоществовала къ тому, чтобъ сдѣлать вѣроятными тѣ обстоятельства, которыя долженствовали сопровождать сіе испытаніе; ибо извѣстно вамъ, что часто почитаютъ богатыми такихъ купцовъ, которые иногда весьма близки къ тому, чтобъ быть разоренными. Какъ все между моимъ отцомъ и мною было приготовлено, чтобъ играть роль, столь противную его и моей искренности: то мы приняли Сира Роберта съ печальнымъ

нымъ видомъ, которой онъ тотчасъ примѣтилъ. Послѣ повторенныхъ имъ убѣжденій, чтобъ узнать сего причину: я разорился! вскричалъ мой отецъ. Сиръ Робертъ поблѣднѣлъ, наблюдалъ молчаніе, и я почитала уже подозрѣнія свои подтвержденными. Когда сія безгласная сцена продолжалась около пяти минутъ, то Сиръ Робертъ взялъ руку моего отца: не печальтесь, говорилъ онъ ему, отдайте за меня дочь вашу, и располагайте моимъ имѣніемъ, для возстановленія вашихъ дѣлъ. Никакое изумленіе не могло сравняться съ нашимъ; я признаюсь, что я стыдилась, сомнѣваясь о его чистосердечіи. Отецъ мой взглянулъ на меня съ неудовольствіемъ, а я не осмѣлилась открыть сему великодушному любовнику, что онъ большое бралъ преимущество въ нѣжности надъ такимъ сердцемъ, которое однакожъ совершенно ему было предано. Мы согласились о днѣ моего брака, которой положенъ былъ въ слѣдующій понедѣльникъ. Я торжествую, и въ то же самое время боюсь увидѣть изумленнаго Сира Роберта, когда въ помянутый день, по выходѣ

 изъ

изъ церкви, отецъ мой вручитъ ему тритцать тысячь фунтовъ стерлинговъ въ приданое за мною. Какое снискалъ онъ преимущество надо мною своимъ благороднымъ безкорыстіемъ! Ахъ, любезная моя! да изгладится во мнѣ воспоминаніе о прошедшемъ! я не содѣлаюсь болѣе виновною въ такомъ преступленіи. Миссъ Кресвель находится со мною; мы обѣ удивляемся вашему постоянству въ печали, и мы обѣщались другъ другу, чтобъ никогда не слѣдовать столь хорошему примѣру. Я трепещу при той мысли, что я въ послѣдній разъ подпишусь теперь

Элизою Пелгамъ.„

Щастіе Миссъ Пелгамъ казалось, будто лично случилось съ чувствительною Оливіею, которая однако не довольна была, усмотрѣвши, что своенравіе могло бы лишить ее такого супруга, которой обѣщалъ ей благополучную жизнь. Она воздыхала, помышляя о той, которую она утратила такимъ происшествіемъ, коего чтобъ избѣжать плачевныхъ слѣдствій, не пожалѣла бы она своей жизни. „Не уже

ужели я одно страждущее творенiе въ семъ пространномъ свѣтѣ? вскричала она, поднявши глаза къ небу. Увы! сколько въ сiю минуту находится въ немъ такихъ, которые стонутъ, такъ какъ и я, подъ бременемъ несправедливости, такъ что гонители ихъ не заслуживаютъ и упрековъ! Судятъ по наружности, но часто она обманываетъ тѣхъ, которые стараются узнать истинну. „

Между тѣмъ временемъ получила она другое письмо отъ незнакомаго, которой бралъ въ ней столь великое участiе. Казалось, что Провидѣнiе послало ей сiе письмо, дабы уменьшить печаль ея подробнымъ описанiемъ слѣдующаго приключенiя.

Письмо къ Гжѣ. Ванъ.

„Въ младенчествѣ моемъ имѣлъ я сестру, которой красота была малѣйшее ея совершенство. Любовь моя къ ней равнялась съ тою, которую имѣли къ ней мои родители, и наша взаимная дружба подкрѣплялась еще кровными узами. Какъ мы одинъ къ другой имѣли величайшую довѣренность, то я былъ повѣреннымъ въ ея печаляхъ,

 и

и съ своей стороны не скрывалъ отъ ней тайнѣйшихъ моихъ мыслей. Когда она вступила на семнатцатой годъ своего возраста, то представляемое ей выгодное супружество обѣщавало ей щастливую жизнь. Родители мои желали сего союза; но онъ не нравился сестрѣ моей, по одному только своенравію, которое откинуть ничто не могло ее принудить. Противорѣчіе повредило ея здоровье, и тотчасъ перестали ея отъ того увяли, такъ что родители мои и я были тѣмъ встревожены.„

„Одна молодая особа, пріятельница моей сестры, звала насъ на нѣсколько недѣль къ себѣ въ деревню, въ двантцати миляхъ разстояніемъ отъ того мѣста, гдѣ мы жили. Родители мои согласились на нашъ отъѣздъ, въ той надеждѣ, что перемѣня воздухъ, сестра моя поправится въ своемъ здоровьѣ, и что наконецъ разсудокъ излѣчитъ ее отъ своенравія, которое принудило ее отвергнуть выгодную партію. Прежде нежели мы поѣхали, еще она убѣждаема была не презирать молодаго человѣка, которой

рой заслуживалъ то, чтобъ его выслушали, и объявлено ей было, что по возвращенiи ея изъ сей деревни торжествованъ будетъ бракъ ея. Сестра моя наблюдала молчанiе, и не смотря на любовь ея къ родителямъ, которыхъ она обожала, разсталась съ ними съ отчаянiемъ въ сердцѣ. Я употреблялъ всѣ способы, чтобъ побѣдить ея упрямство, и наконецъ узналъ, что непобѣдимое отвращенiе къ тому человѣку, за котораго старались ее выдать, было причиною ея отказа.,,

,,Я, не хотя увеличивать ея нещастiя, далъ ей свободу въ чувствованiяхъ, столь противныхъ желанiямъ моихъ родителей, и тотчасъ красота ея воспрiяла первое свое сiянiе. Къ нещастiю ея и нашему прiятельница ея имѣла брата, которой заставилъ ее выслушать себя съ удовольствiемъ. Люцiя, (сiе было имя нещастной моей сестры) не сомнѣваясь, чтобъ мой отецъ и мать не были оскорблены такимъ союзомъ, которой уничтожалъ ихъ намѣренiя, согласилась, чтобъ любовникъ ея увезъ ее и уѣхалъ съ нею

въ Шотландію, гдѣ наемной священникъ обвѣнчалъ ихъ вскорѣ по ихъ пріѣздѣ. По возвращеніи ихъ свободно получили они прощеніе отъ своихъ родителей; но сіе только они отъ нихъ и получили. Какъ нужды погасили любовь, то супругъ сдѣлался печаленъ и сердитъ. Отъ неудовольствія произошло непостоянство, и тотчасъ за онымъ послѣдовало непорядочное поведеніе. Какъ привычка отняла у прелестей ея силу возвратить къ себѣ сердце вѣтренаго супруга, то она почувствовала еще и то оскорбленіе, что увидѣла предпочитаемыми предъ нею такихъ женщинъ, которыя менѣе ее стоили. Любовь, тщеславіе и раскаяніе, что она содѣлалась жертвою своего заблужденія, нечувствительно разстроивали ея здоровье, и угрожали ей близкою кончиною. Я полетѣлъ къ ней на помощь, привезъ ее въ родительской домъ, принудилъ нечувствительнаго и жестокосердаго ея супруга уменьшить нещастія ея уваженіемъ ее; но сердечная ея рана была весьма глубока, такъ что никакое стараніе, никакое вспоможе-

ніе

ніе не могло излѣчить ее. Наскучивши тягостнымъ своимъ существованіемъ, съ радостію взирала она на приближающуюся смертную минуту, и умерла на рукахъ своей матери. Безчеловѣчной, которой былъ причиною преждевременной ея смерти, оставилъ ту страну, въ которой не могъ долѣе оставаться, не подвергнувшись посрамленію. Онъ и самъ не умедлилъ сойти во гробъ, которой ископали ему его пороки; да и родители мои вскорѣ послѣдовали за нещастною ихъ дочерью, раскаяваясь, но уже весьма поздно, что принуждали ее въ выборѣ супруга. Я долгое время оплакивалъ потерю толикаго числа любезныхъ мнѣ особъ; стеналъ объ участи бѣдной моей сестры; время уже научило меня, что ежелибъ она пережила свои печали, то развѣ для того только, чтобъ быть цѣлію другихъ нещастій.„

„Размыслите, сударыня, о всѣхъ обстоятельствахъ сей полезной исторіи; она не только заставитъ васъ пролить слезы, но и примиритъ васъ съ теперешнимъ вашимъ положеніемъ, для

го что вы не были, такъ какъ моя сестра, причиною вашихъ нещастій.„

Намѣреніе, съ каковымъ писано было сіе письмо къ любви достойной Оливіи, произвело ожидаемое дѣйствіе, и разлило въ душѣ ея новое утѣшеніе. Достовѣрность, что она была невинна въ такомъ преступленіи, въ которомъ ее обвиняли, была причиною надежды щастливѣйшей жизни. Между тѣмъ, какъ она предавалась удовольствію, которое таковая надежда произвела въ ея сердце, получила она извѣстіе отъ своей любезной Элизы о ея бракѣ и о томъ удовольствіи, каковое она чувствовала, вышедши за честнаго Сира Роберта. Послѣ подробнаго разсказыванія о пріуготовленіяхъ къ ея свадьбѣ, о приниманіи и отдаваніи визитовъ, и о обыкновенныхъ въ подобномъ случаѣ учтивостяхъ, Элиза уведомила ее, что тритцать тысячь фунтовъ стерлинговъ, данные отцемъ ея мужу ея, сначала изумили его, что по томъ бросилъ онъ на нее задумчивой и неудовольственной взглядъ, но что наконецъ сей сильной

по-

посредникъ имѣлъ власть сдѣлать его сговорчивымъ."

ГЛАВА 2.

Задумчивость, такъ какъ и уединеніе, даетъ вкушать чувствительнымъ душамъ такія удовольствія, которыя тщетно ласкаются найти въ шумныхъ забавахъ большаго свѣта. Уже два года протекли, какъ нѣжная Оливія видѣла себя осужденною жить въ уединеніи. Навыкъ сдѣлалъ то, что она предпочитала оное всякому другому увеселенію; и естьли бы не чувствовала она печали объ отъѣздѣ добрыхъ своихъ друзей, Г. и Гжи. Голдвинъ, то она и не примѣтила бы, что она должна искать въ себѣ самой средства, чтобъ понуждать время къ скорѣйшему теченію. Какъ она не получала никакого извѣстія о своемъ мужѣ, то и не сомнѣвалась, чтобъ онъ не совершенно оставилъ ее, и чтобъ отдаленіе его не съ жизнію ея кончилось.

Съ самой той минуты, когда Даванпортъ по неблагоразумію своему подвергнулъ Оливію гнѣву ея супруга, спокойствіе удалилось отъ его сердца. Сысканное имъ средство для излѣченія своихъ нещастій содѣлало ихъ для него несносными. Слезы Оливіины, утѣшительныя слова и дѣланныя ею угрозы, естьли онъ дерзнетъ опять съ нею свидѣться, безпрестанно представлялись въ его памяти. Будучи мучимъ раскаяніемъ, пожигаемъ огнемъ своей страсти, почувствовалъ онъ въ себѣ внутреннюю лихорадку, которая нечувствительно изсушала его, и угрожала, что онъ не переживетъ стеченія толикихъ золъ. Лордъ Даванпортъ весьма безпокоился о худомъ состояніи единственнаго своего сына; ибо пороки и безпутство старшаго его сына окончались съ его жизнію. Товарищъ въ его распутствахъ убилъ его на поединкѣ, по причинѣ заведеннаго спора въ игрѣ. Никто не имѣлъ сожалѣнія объ участи его, которую онъ заслужилъ; добрые люди сожалѣли только о томъ, что такой презрѣнной человѣкъ существовалъ и что примѣръ его

вовлекъ въ туже пропасть молодыхъ почтенныхъ людей, которыхъ нравы онъ развратилъ.

Нещастной конецъ такого сына, на которомъ онъ основывалъ надежду своей фамиліи, близкая смерть другаго, котораго тайная печаль повергала во гробъ, живѣйшимъ образомъ трогали честолюбиваго старика. Онъ упрекалъ себя тогда, что принудилъ сего сына вступить въ такой союзъ, которой не сдѣлалъ его щастливымъ, и весьма поздно увидѣлъ, сколько неблагоразуміе его причиняло ему раскаянія. Печаль, которую онъ отъ того чувствовалъ, сдѣлалась столь сильною, что онъ нечаянно умеръ отъ параличнаго удара, и такимъ образомъ Даванпортъ сдѣлался наслѣдникомъ титла и имѣнія древней и знаменитой фамиліи.

По погребеніи Лорда Даванпорта вдова его удалилась въ деревню, гдѣ она утвердила свое пребываніе. Молодая Лади Даванпортъ возхищена была отъ радости, увидя мужа своего возвышеннаго въ достоинство Аглинскаго Пера, но онъ въ потерѣ отца

своего нашелЪ новую причину кЪ печали. КакЪ здоровье его каждой день ослабѣвало, то Лѣкари предписали ему пользоваться Батскими водами. Будучи безпристрастенЪ кЪ мѣстамЪ, вЪ которыхЪ онЪ жить будетЪ, доколѣ не увидитЪ предмета своей нѣжности, согласился онЪ на все то, что ему предписывали. Но Лади ДаванпортЪ совсѣмЪ противное тому мыслила; БатЪ было одно такое мѣсто, гдѣ она могла оказать свою пышность. Она ласкалась также, что различныя забавы, которыя вЪ семЪ мѣстѣ отличны, разгонятЪ задумчивость ея мужа. Хотя она была вѣтрена и кокетка, но никогда не помрачала своей славы, и мужЪ ея всегда былЪ единственною тою особою, которая сдѣлала впечатлѣніе надЪ ея сердцемЪ. Она любила его, но изЪ доброй воли не пожертвовала бы ему ни однимЪ изЪ своихЪ увеселеній. ОставимЪ ее заниматься приготовленіями кЪ своему путешествію, а обратимся кЪ мудрой и благоразумной Оливіи, поведеніе которой совсѣмЪ противно было поведенію своевольной Лади ДаванпортЪ.

Часы,

Часы, дни и времена года другъ за другомъ послѣдовали, такъ что никакое произшествіе въ оныхъ не перемѣнило сцены. Нынѣ, завтра и каждая минута употребляемы были на тѣ же упражненія. Надежда удалилась изъ ея жилища, въ которомъ уже два года никакой радостной голосъ, никакое удовольственное возклицаніе не нарушало ея уединенія. Вездѣ царствовало унылое молчаніе, которое иногда прерываемо было голосомъ ея служителей. Печальная и оставленная Оливія блуждала въ пространныхъ своихъ покояхъ, сопровождаема будучи своими собачками, которыхъ вѣрность замѣняла недостатокъ общества. Она искала въ другихъ животныхъ забавы послѣ дневныхъ своихъ упражненій. Птицы, которыхъ она сдѣлала ручными, ягненокъ, коего она изторгла изъ подъ смертоноснаго ножа и коего украсила лентою, были ея товарищами въ прогулкахъ ея по звѣринцу. Приближеніе весны могло еще уменьшить ея скуку. Она ходила съ матернимъ стараніемъ за цвѣтами и деревцами, которыя сама насадила, и

предпочитала тѣнь ихъ, какъ убѣжище, которое она приготовила себѣ отъ злости развращеннаго свѣта.

Между тѣмъ, какъ она спокойно наслаждалась невинными увеселенiями, которыя не влекутъ за собою раскаянiя, слѣдующее врученное ей письмо принудило ее разстаться съ своимъ прелестнымъ лѣскомъ. Оливiя развернула его трепеща, и читала сiи строки, начертанныя рукою ея мужа: „Поспѣшайте, дражайшая моя Оливiя, въ обьятiя мужа, котораго нечаянной припадокъ принудилъ остановиться въ томъ мѣстѣ, откуда я къ вамъ пишу, и въ которое подателю сей записки поручено васъ проводить. Нетерпѣливость ваша видѣть меня увѣритъ меня въ моемъ прощенiи. Забудьте мои несправедливости, и утѣшьте вашимъ присутствiемъ вѣрнаго, нѣжнаго и разкаявающагося

Генрика Вана.„

Пусть представятъ себѣ то впечатлѣнiе, какое сдѣлало письмо сiе надъ сердцемъ нѣжной Оливiи. Она увидѣла вдругъ изчезшими всѣ свои нещастiя; она должна была скоро увидѣться съ раз-

разкаявающимся мужемъ, которой узналъ наконецъ свою несправедливость. Курьеръ, присланной Г. Ваномъ, былъ человѣкъ почтеннаго виду, и казался лѣтъ сорока. Она спрашивала его о болѣзни своего мужа; онъ отвѣтствовалъ ей, что опасная лихорадка воспрепятствовала ему продолжать свой путь, что онъ остановился у него, что онъ уже давно знакомъ ему, когда онъ былъ многіе годы откупщикомъ въ Монтмут - Ширѣ, которой принадлежалъ отцу Г. Вана, что онъ оставилъ оной и перешелъ въ Беркширъ, для того что ему было здѣсь сходнѣе. „Не теряйте времени, продолжалъ онъ; поѣдемъ, сударыня, естьли вы хотите застать вашего супруга въ живыхъ.„ Оливія не заставила повторять себѣ зову незнакомца, и взявши нѣсколько платья, поѣхала одна съ нимъ; ибо онъ не хотѣлъ согласиться, чтобъ кто либо изъ людей ея провожалъ ее.

Мыза, въ которую онъ везъ ее, была, говорилъ онъ, разстояніемъ 90 миль отъ замка, въ которомъ она жила. На разстояніи пятидесяти миль

откупщикъ имѣлъ объ Оливіи величайшее стараніе, такъ что она не примѣтила дальности дороги. Тотчасъ сіи его угожденія перемѣнились въ повелительной тонъ; онъ говорилъ, что усталость безпокоила его, и притворялся спящимъ. Оливія, не видя конца своего путешествія, спрашивала его, когда они пріѣдутъ въ назначенное мѣсто. Скорѣе, нежели вы того желаете, отвѣчалъ онъ ей съ нетерпѣливостію. Думая, что онъ старался такимъ образомъ дать знать ей объ опасномъ состояніи ея мужа, безпокойства ея умножились, и желаніе ея скорѣе пріѣхать не давало ей болѣе ни на минуту покоя.

Ночью, на другой день ея отъѣзда, коляска остановилась передъ однимъ домомъ, или лучше передъ хижиною, окруженною холмами и деревьями, которыя, казалось, скрывали ее отъ всего свѣта. Пожилая женщина и молодая дѣвушка подошли къ дверямъ почтовой коляски, и подали руку откупщику, чтобъ помочь ему изъ оной вытти. „Все ли приготовлено, какъ я приказывалъ?„ спросилъ

силъ онъ ихъ грубымъ голосомъ. Какъ женщина отвѣтствовала ему утвердительно, то онъ взялъ Оливію неучтивымъ образомъ за руку, и ввелъ ее въ сіе бѣдное жилище. Тотчасъ потребовала она, чтобъ увидѣться съ своимъ супругомъ; молодая дѣвушка смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ, а старая женщина наблюдала молчаніе. Наконецъ отягчена будучи усталостію и страхомъ, бросилась она на стулъ, попросила стаканъ воды, и хотѣла было дѣлать имъ вопросы, какъ вошелъ мнимой откупщикъ, неся на плечахъ Оливіину поклажу. „Проводите меня поскорѣе къ Г. Вану, вскричала она, и не продолжайте мучить меня неизвѣстностію.„ Бѣдная нещастная! говорила молодая дѣвушка, взирая на нее: состояніе ея приводитъ меня въ сожалѣніе. . . . „Не умеръ ли онъ? вскричала снова Оливія. . . . Не уже ли для оплакиванія смерти его привезли меня въ сіи дикія мѣста? Праведное небо! ты опять меня ввергло въ бездну нещастій.„ — Молчи! говорилъ откупщикъ своей дочери: видишь, что отъ твоего неразумія

умія произходитЪ. ОнЪ приказалЪ ей и женѢ своей вытти изЪ комнаты, потомЪ подалЪ Оливіи письмо, прибавивЪ кЪ тому: „ОтЪ вашего добраго поведенія зависѢть будетЪ и наше, которое мы будемЪ имѢть во время вашего между нами пребыванія." Сіе письмо было отЪ Рандаля и заключалось вЪ сихЪ словахЪ:

Государыня моя!

„Повинуясь приказанію моего господина, послалЪ я васЪ вЪ отдаленное мѢсто отЪ ВанЪ - Грова, вЪ которомЪ, какЪ думаютЪ, нещастная страсть лишила васЪ разума. Не покушайтесь доказывать противное; ваши усилія вЪ разсужденіи сего будутЪ безполезны, такЪ какЪ и вЪ разсужденіи того, чтобЪ узнать причину, которая побудила удалить васЪ оттуда; будьте кротки и терпѢливы, и ваши хозяева будутЪ поступать сЪ вами человѢколюбиво. Покоритесь безропотно повелѢніямЪ того, которой имѢетЪ право располагать вами и которой не можетЪ ласкаться, чтобЪ столь же долгое время, сколько вы

на-

наслаждались благопріятствомъ щастія, раскаяніе ваше было искренно. Вамъ будутъ сообщать нужныя для жизни вещи, а больше ничего. Не покушайтесь писать къ вашимъ друзьямъ: они не будутъ получать вашихъ писемъ. Отбросьте хитрость; время уже помыслить о томъ, чтобъ быть нѣсколько поразумнѣе.,,

Томасъ Рандалъ.

Хотя Оливія недостойна того была, чтобъ мужъ ея употреблялъ такія презрительныя околичности, чтобъ всякимъ образомъ обижать ее; но она не жаловалась. ,,Для меня все равно, говорила она сопутнику своему, въ какомъ бы мѣстѣ свѣта я ни скрыла свои нещастія; мнѣ только то прискорбно, что я причиню вамъ безпокойство; но я какъ можно постараюсь уменьшить оное. Позвольте, чтобъ жена ваша и дочь помогали мнѣ ложиться спать, а болѣе касательно до меня ни о чемъ не безпокойтесь.,, Робертъ, видя ее столь послушною, согласился на ея требованіе. Обѣ женщины опять вошли, и смотрѣли на нее со страхомъ и нѣжностію. Она при-

мѣтила то, и зная причину страха, которую она имъ подала, предоставила времени и поведенію своему вывести ихъ изъ заблужденія.

Хотя маленькой и бѣдной покоецъ опредѣленъ ей былъ, но Оливія провела въономъ ночь спокойно. Какъ скоро показалась заря, то она вставала и разсматривала холмы, возвышавшіеся кругомъ ея жилища, и съ радостію увидѣла, что натура украсила ихъ тысячею дикихъ красотъ. Для созерцающей души открытіе сіе было сокровищемъ. Оливія не сомнѣвалась, чтобъ привычка не содѣлала пребыванія сего столь же для ней пріятнымъ, какъ звѣринецъ и цвѣтущіе сады въ замкѣ, откуда столь подло ее похитили. Попеченія ея хозяевъ примирили ее съ нещастнымъ ея положеніемъ. Она не сомнѣвалась, чтобъ не бѣдность принудила Роберта споспѣшествовать ея похищенію. Самовластіе, съ каковымъ онъ поступалъ въ своемъ семействѣ, увѣряло ее, что жена его и дочь не знали о его намѣреніяхъ.

Семеро дѣтей составляли семейство откупщика Роберта. Феба, старшая

шая изъ дочерей, опредѣлена была блюстительницею Гжи. Ванъ, и сотовариществовала ей въ полевыхъ ея прогулкахъ. Фебѣ приказано было не говорить ни съ кѣмъ въ сосѣдствѣ, ниже попускать, чтобъ о чемъ либо спрашивали Гжу. Ванъ. Но сія осторожность безполезна была въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ближайшіе сосѣди жили въ милѣ отъ онаго; притомъ же какъ они были бѣдные земледѣльцы, то они и не занимались дѣлами другихъ.

Оливія учила юнаго своего стража, имѣвшаго тогда семнатцать лѣтъ, читать и писать, и трудилась также и для другихъ дѣтей; она починивала ихъ платье, и дѣлала для нихъ маленькіе уборцы, въ которыхъ можно бы было показаться въ праздничные дни. Сіи нѣжныя попеченія сдѣлали ее столь любезною всему семейству, а особливо Фебѣ, что она по изъявляемой ей привязанности щастливѣе была, нежели когдабъ она жила во дворцѣ. Но страхъ, чтобъ отсутствія ея не приписали добровольному бѣгству и чтобъ не вывели изъ того обидныхъ заключеній для ея чести,

часто возмущалъ то удовольствіе, которое она вкушала между бѣдными сими поселянами, которые не взирали уже на нее какъ на безумную, которую сослали къ нимъ для того, чтобъ сокрыть ее отъ взоровъ публики.

ГЛАВА 3.

Однимъ днемъ, сидя за дѣломъ съ откупщицею и Фебою, Оливія увидѣла вошедшаго старика. „Вотъ, говорила Феба, нашъ старой волшебникъ; я думала, что онъ не придетъ болѣе сюда; въ послѣдній разъ, когда онъ къ намъ приходилъ, сказалъ онъ намъ, что онъ умретъ.„ Оливія встала, но незнакомецъ просилъ ее сѣсть, и внимательнымъ окомъ разсматривалъ ее, когда она разговаривала съ Мистрисъ Робертъ. Оливія съ своей стороны бросала на него потаенные взоры, къ чему побуждало ее особенное его одѣяніе. Онъ носилъ длинное черное платье, которое покрывало златотканую одежду. Чулки его спустились на башмаки безъ пряжекъ, и долгіе его заплетеные во-

лосы развѣвались вѣтромъ. Онъ говорилъ тихо, но слова его были разумны и сильны. Поговоривши съ полчаса, онъ вышелъ и пожалъ Фебину руку, приказывая ей быть благоразумною и осмотрительною. Когда онъ ушолъ, то вскричала Феба: „Мнѣ весьма прiятно, что Г. Морнингтонъ выздоровѣлъ и что онъ раздѣлался съ синими дьяволами, какъ онъ ихъ называетъ; ибо нѣтъ его веселѣе, когда онъ здоровъ. Я не думаю, чтобъ онъ былъ волшебникъ; онъ никогда не дѣлалъ зла и тѣмъ самимъ, которые говорятъ, будто они слышали, что онъ разговаривалъ съ дьяволомъ.„

Простота Фебина возбудила любопытство въ Оливiи, которая выспрашивала у Мистрисъ Робертъ нѣкоторыя подробности о такой особѣ, которой почтенной видъ вдохнулъ въ нее довѣренность. Все то, что я о немъ знаю, отвѣтствовала ей добрая женщина, состоитъ въ томъ, что Г. Морнингтонъ прiѣхалъ въ сiю округу уже около четырнатцати лѣтъ, что онъ нанялъ домъ, смежной съ сельскимъ кладбищемъ, и что онъ въ немъ живетъ,

ветъ, хотя домъ сей и посѣщаютъ мертвецы; что прежде нежели началъ онъ въ немъ жить, слышимъ былъ въ домѣ каждую ночь ужасной шумъ, и что уже оной пересталъ, но что видаютъ тамъ огненныхъ змѣевъ. Онъ прогуливается ночью по кладбищу, и также не страшится полуночи, какъ я полденъ. Когда пришелъ онъ жить въ нашу округу, то съ нимъ была старая женщина, которая имѣла дюжину кошекъ. . . . . „Я объ закладъ бьюсь, говорила Оливія смѣяся, что ее приняли за колдунью. — Ахъ сударыня! всѣ заподлинно говорятъ, что она жена колдунова. Они никогда не ходятъ въ церковь, никому не велятъ ходить въ свой домъ; у нихъ весьма много денегъ, которыя подаютъ они бѣднымъ и больнымъ; говорятъ людямъ, которые клянутся, что они будутъ наказаны чѣмъ-то, Богъ знаетъ, какъ они это называютъ! а это уже за сущую правду выдаютъ, что они достаютъ всѣ сіи деньги чернокнижничествомъ. Колдунъ весьма любитъ маленькую мою Фебу; онъ дѣлалъ ей различные подарки, и давалъ

валъ ей книги. — Книги! посмотримъ ихъ.„ Передвигавши всѣ домашнія мебели, Феба подала Оливіи книги, говоря, что какъ отецъ ея запретилъ ей читать ихъ, то она бросила ихъ въ уголъ, опасаясь, чтобъ дьяволъ не сыгралъ съ нею какой нибудь дурной шутки.

Сіи опасные знаки волшебникова могущества были *Библія, поясненныя молитвы и экономія жизни.* Оливія, увѣрившись, что колдунъ не имѣлъ никакого злаго намѣренія на Февину невинность при выборѣ книгъ, которыя онъ ей подарилъ, и что онъ былъ вмѣстѣ и Философъ и набожной человѣкъ, пожелала опять поскорѣе съ нимъ увидѣться. Она не сомнѣвалась также, чтобъ не нещастія принудили его избрать сіе уединеніе, и сіе предположеніе увеличило ея любопытство; да и Морнингтоново не менѣе усильно было: скромной видъ и красота Оливіина сдѣлали живое впечатлѣніе надъ его сердцемъ. Онъ не упустилъ той минуты, когда Мистрисъ Робертъ возвращалась съ поля, чтобъ не спросить ее о причинѣ, принудившей

столь

столь прекрасную особу погребстися въ пустынѣ. Добрая женщина разсказала ему все то, что она знала касающагося до Оливіи, и не опустила того обстоятельства, „что она потеряла разумъ для молодаго человѣка, которой не любилъ ее; что она жаловалась иногда на худое съ нею обращеніе Г. Вана; но что она не спрашивала, кто таковъ былъ сей жестокой человѣкъ, опасаясь, чтобъ сія бѣдная дурочка не пришла въ ярость.„ Морнингтонъ, которой хотѣлъ удостовѣриться, правду ли ему говорила сія купщица, пришелъ къ ней въ тотъ же день; и по продолжительномъ разговорѣ узналъ, что не потеря разума была истинною причиною, которая удерживала Оливію въ семъ печальномъ уединеніи.

Влекомы будучи одинъ къ другой взаимною своею склонностію, имѣли они многія свиданія, которыя умножили въ старикѣ удивленіе къ прекрасной незнакомкѣ. Какъ взаимная довѣренность заступила мѣсто чувствованій раждающагося дружества, то Оливія скоро содѣлалась повѣренною въ печаляхъ

ляхъ Морнингтоновыхъ. Разсуждая нѣкогда вмѣстѣ о непостоянствѣ щастія и о различныхъ приключеніяхъ въ жизни, оба воздыхали. Оливія, примѣтивши, что возстало въ душѣ Морнингтоновой сильное волненіе, изъявила ему о томъ печаль свою такимъ голосомъ, которой изреченія ея содѣлалъ трогательнѣйшими. „Вы видите предъ собою, говорилъ ей доброй старикъ, примѣръ человѣческихъ превратностей. Въ юношествѣ своемъ былъ я рабомъ страстей, а въ зрѣломъ возрастѣ содѣлался игрушкою своего добродушія. Съ того времени испытывалъ я только гоненіе и вѣроломства даже со стороны тѣхъ самыхъ, которыхъ нещастный жребій заставлялъ меня проливать слезы. Потеря любезнаго мнѣ брата умножила мои печали. Будучи виновенъ во многихъ проступкахъ, которые юношество извиняетъ, оставилъ онъ своихъ родителей, и не присылалъ имъ никакого извѣстія, въ которой странѣ онъ находится. Не смотря на то, что онъ истощилъ большую часть своего имѣнія, и что онъ по томъ женился на одной жен-

щинѣ

щинѣ противъ воли моихъ родителей, отецъ мой, умирая, желалъ видѣть его, дабы простить ему преступленіе его. Я остался единая отрасль знаменитой фамиліи, которой и имя угаснетъ со мною. Я нѣкогда имѣлъ намѣреніе вступить въ супружество, дабы вручить моимъ наслѣдникамъ остатки безчисленнаго имѣнія; но какъ предметъ моей нѣжности умеръ на канунѣ того дня, въ которой я хотѣлъ дать ему клятву въ моей вѣрности, то отказался я отъ всякаго другаго обязательства, и разстался съ свѣтомъ, дабы оплакивать потерю такой женщины, которую я обожалъ. — Мой дѣдъ по отцѣ, говорила ему Гжа. Занъ, учинилъ почти такое же преступленіе, какъ и сей вашъ братъ, о потерѣ котораго вы сожалѣете. Часто разсказывалъ онъ исторію свою единственному своему сыну, которой былъ мой отецъ; но онъ всегда скрывалъ имя своей фамиліи. — Праведное небо! какую надежду производишь ты въ душѣ моей! Не имѣете ли вы какихъ нибудь вещей послѣ вашего дѣда? — У меня есть портретъ

его,

его. — Покажите мнѢ его. — Я не могу сего сдѢлать; онЪ остался вЪ ВановомЪ замкѢ; ежели я возвращусь когда нибудь вЪ жилище моего супруга, то я его пришлю кЪ вамЪ.,,

Внимая только гласу радости, что вЪ прекрасной своей незнакомкѢ обрѢлЪ внучку сего нещастнаго брата, доброй старикЪ безЪ принужденія предался чувствованіямЪ нѢжности, которую вдыхала вЪ него сія надежда. „Ежели ПровидѢніе допуститЪ, вскричалЪ онЪ, что наши догадки вЪ самомЪ дѢлѢ исполнятся, то мужЪ вашЪ не раскается, что взялЪ себѢ вЪ супружество такую женщину, которой рожденіе и богатство превышаютЪ его. ОтЪѢздЪ вашЪ отсюда причинитЪ мнѢ живѢйшую печаль; но я горю желаніемЪ видѢть васЪ уѢзжающихЪ, какЪ единое средство для обьясненія такой тайны, вЪ которой я полагаю забвеніе всѢхЪ моихЪ горестей. ОднакожЪ ежели я обманусь вЪ моей надеждѢ, то вы вмѢсто моей внучки будете тогда пріемною моею дочерью. ВЪ семЪ видѢ я хочу, чтобЪ вы имѢли лучшую квартиру и нѢжнѢйшее кушанье. Я

вижу, что худой столъ вашихъ хозяевъ не сообразенъ вашему здоровью.,,

Какъ деньги для Роберта имѣли такую привлекательность, которой онъ не могъ противиться: то не трудно было Морнингтону согласить его, чтобъ смягчить жребій страждущей Оливіи. Ежели бы Ванъ увидѣлъ то бѣдное состояніе, въ каковое приведена была красота, которую онъ столь долгое время обожалъ; ежели бы онъ былъ свидѣтелемъ терпѣнія ея въ сношеніи суровости жестокой погоды, не имѣя платья, дабы предохранить себя отъ оной; ежели бы онъ наконецъ увидѣлъ ее сидящую за такимъ столомъ, за которымъ при всякомъ кушаньѣ царствовала нищета: то сердце его разодрано бы было болѣзнію, и сіе трогательное зрѣлище лишило бы его навсегда спокойствія.

ГЛАВА 4.

Однимъ утромъ, когда Гжа. Ванъ готовилась итти въ поварню для требованія своего завтрака, стукъ отъ ко-

коляски, остановившейся у воротъ хижины, привлекъ ея вниманіе. Какая была ея радость и изумленіе, увидя выходящихъ изъ сей коляски Г. Голдвина и Г. Беквара! Она летѣла въ обьятія перваго. Недостатокъ словъ дополнялся взорами, дабы изъяснить взаимное ихъ удовольствіе. Оливія подала дрожащую свою руку Беквару, которой не менѣе былъ тронутъ. Когда первыя ихъ радостныя возхищенія утишились, то Оливія сдѣлала имъ многіе вопросы, на которые Голдвинъ обѣщался отвѣтствовать, когда онъ нѣсколько отдохнетъ отъ дорожныхъ безпокойствъ. Они вошли въ домъ, попросили чего нибудь съѣстнаго, и Голдвинъ удовольствовалъ наконецъ любопытство Оливіи, которая старалась узнать, какимъ образомъ провѣдалъ онъ о мѣстѣ ея пребыванія... „Отъ сего честнаго человѣка, говорилъ онъ ей, показывая на Г. Беквара. Пусть онъ самъ разскажетъ, какимъ случаемъ сіе открытіе учинилось, и тогда увидите, не бдитъ ли Небо надъ угнѣтаемою невинностію.„ Г. Бекваръ не заставилъ повторять столь спра-

ведливаго требованія, и началъ говорить такимъ образомъ:

„Когда услышалъ я о вашемъ отъѣздѣ изъ Ванова замка, то я не сомнѣвался, сударыня, чтобъ не важная причина побудила васъ къ сему предпріятію. Я спрашивалъ вашихъ служителей, но не могъ получить отъ нихъ никакого освѣдомленія, кромѣ что вы поѣхали съ однимъ незнакомымъ, котораго видъ не возвѣщалъ ничего выгоднаго для васъ. Я пошелъ къ Рандалю. Онъ увѣрялъ меня, что онъ не зналъ о вашемъ побѣгѣ, и что онъ увѣдомитъ о томъ своего господина, какъ о новой обидѣ, причиненной вами его чести. Таковыми обоюдными отвѣтами сего беззаконника приведенъ я былъ въ нѣкоторое замѣшательство, которое умножило мои страхи, и я оставилъ его, давши ему знать, что онъ своими околичностями меня не обманетъ. Оттуда поѣхалъ я къ сему достойному другу, дабы увѣдомить его о семъ произшествіи и дабы согласиться съ нимъ о способахъ открыть мѣсто вашего убѣжища. Страхъ, чтобъ старательные наши

поиски не умножили предосторожностей для сокрытія васъ отъ глазъ нашихъ, принудилъ насъ наблюдать молчаніе и всего ожидать отъ времени и отъ какого нибудь щастливаго случая. Мы не одни занимались симъ важнымъ попеченіемъ: Сиръ Робертъ и Лади Клиффордъ, Милордъ Даванпортъ. . . . Не говорите мнѣ болѣе о немъ, возразила Оливія покраснѣвши; я одолжена симъ открытіемъ Провидѣнію, которое теперь мнѣ на опытѣ показало, что нѣтъ вѣчно нещастныхъ. Но продолжайте, Г. Бекварь! вы безъ сомнѣнія имѣете другія особенныя обстоятельства мнѣ сообщить.,,

,,Я часто ходилъ къ Рандалю, продолжалъ онъ; но не смотря на свои усилія, дабы получить нѣкоторыя объясненія, не могъ я до того достичь. Одинъ случай произвелъ то, чего я безполезно искалъ уже два мѣсяца. Онъ упалъ съ лошади, переломилъ себѣ ногу, которую приговорили ему отрѣзать. Какъ онъ не хотѣлъ согласиться на мучительную сію операцію, не посовѣтовавшись со мною: то я объявилъ ему, что онъ можетъ избѣжать

оной, естьли ввҍрится моимъ стараніямъ. По томъ я просилъ его, чтобъ онъ выслалъ на минуту окружавшихъ его, и объявилъ ему, что естьли онъ не наименуетъ мҍста вашего пребыванія и не разскажетъ мнҍ того, что было причиною вашего похищенія, то я оставлю его злой его участи. Стыдъ, угрызҍніе совҍсти и терпимая имъ болҍзнь не допустили его медлить: онъ признался мнҍ, что онъ подписался подъ руку Г. Вана, дабы принудить васъ слҍдовать за тҍмъ человҍкомъ, которой готовъ былъ вспомоществовать ему въ семъ умыслҍ; что онъ надҍялся, удаливши васъ изъ замка и по томъ увҍривши Г. Вана, что вы ушли съ любовникомъ, воспрепятствовать ему возвратиться въ Англію, и что онъ такимъ способомъ присвоилъ бы большую часть его имҍнія. Но, прибавилъ подлый Рандаль, едва Гжа. Ванъ уҍхала, какъ страхъ, чтобъ не открыли обману моего въ разсужденіи ее и моего господина, воспрепятствовалъ мнҍ писать къ нему, что жена его оставила замокъ.„

„Обви-

„Обвиняя себя въ преступленіи, въ которомъ просилъ онъ отъ Бога прощенія, оправдалъ онъ Роберта, которой не осмѣлился досадить ему отказомъ, отъ чего зависѣло его существованіе. Сей нещастный, продолжалъ Бэкваръ, есть родственникъ жестокосердаго Рандаля, которой, чтобъ сдѣлать ему заплату за нѣкоторыя малыя услуги, не имѣлъ стыда употребить то во зло, сдѣлавши его сообщникомъ въ своихъ злодѣяніяхъ. Я увѣдомилъ Г. Голдвина о семъ важномъ открытіи, и мы поѣхали, какъ скоро Рандаль выздоровѣлъ. Вы не имѣете ничего страшиться сего человѣка: онъ возвратитъ вамъ не только пенсіонныя ваши деньги, но и поступать будетъ съ вами съ почтеніемъ, которымъ онъ вамъ долженъ. . . . Поѣдемъ, любезная моя дочь, вскричалъ Голдвинъ; обезпечьте друзей вашихъ, которые ожидаютъ только минуты обнять васъ.„

Оливія изъявила свою радость, которую она чувствовала, видя, что мужъ ея не былъ виновенъ въ сей новой несправедливости; она разсказала Голдвину о знакомствѣ своемъ съ Г. Морнингтономъ и прибавила, что она

почитаетъ его за ближняго своего родственника. Голдвинъ, которой ничего не опускалъ, что бы могло содѣлать щастіе его питомицы, желалъ поговорить съ Морнингтономъ. Оливія увѣдомила его о щастіи, которое получила она пріѣздомъ ея друзей, и просила его притти къ ней, прежде нежели она уѣдетъ въ Ванъ-Гровѣ. Получивши сію хорошую вѣдомость, прилетѣлъ онъ къ ней, и долгое время разговаривалъ съ Голдвиномъ; и тотъ и другой увѣрили Оливію, что почти не было никакого сомнѣнія, чтобъ она не была двоюродная внучка сего почтеннаго старика. Она обѣщала прислать къ нему портретъ своего дѣда, и Морнингтонъ обязалъ ее сдѣлать ему визитъ, какъ скоро она примирится съ своимъ супругомъ.

Гжа. Ванъ, прежде нежели оставила хижину Робертову, простила ему ту ненавистную роль, которую онъ игралъ въ семъ нещастномъ дѣйствіи. Она подарила нѣсколько гиней Мистрисъ Робертъ, которую она нѣжно обняла, и испросила позволеніе, чтобъ Феба проводила ее до Ванова замка.

Вся Робертова фамилія проливала слезы, взирая на отъѣздъ любви достойной Оливіи; она обѣщала откупщицѣ и ея дѣтямъ оказать знаки своей милости, какъ скоро щастіе попуститъ ей предаться естественнымъ чувствованіямъ ея благотворенія.

ГЛАВА 5.

Оливія по возвращеніи своемъ въ Вановъ замокъ узнала, сколь безпредѣльную власть имѣетъ надъ всѣми сердцами кротость. Служители ея не могли ее видѣть, не почувствовавши живѣйшихъ радостныхъ восхищеній. Она для нихъ была другъ и мать, отсутствіе которой лишило ихъ утѣшенія. Нечувствительный Рандаль не могъ взглянуть на нее не смягчившись. Между множествомъ извиненій, которыя онъ дѣлалъ, дабы уменьшить мерзость своего преступленія, обѣщалъ умножить ея пенсію, и снискать ей благосклонность отъ Г. Вана. „Я не имѣю нужды въ большомъ богатствѣ, отвѣтствовала ему Оливія, и не хочу, чтобъ вы что либо пере-

мѣнили изъ повелѣній, данныхъ вамъ Г. Ваномъ. Исполняйте вашу должность какъ честной человѣкъ, и оставьте мнѣ попеченіе заниматься своею.,, Г. Голдвинъ одобрилъ ея поступокъ, и ободрилъ ее пребывать въ мудрой рѣшимости, чтобъ ничего не предпринимать безъ согласія Г. Вана. Увидѣвши ее спокойною и почти щастливою, разстался онъ съ нею, взявши отъ ней портретъ ея дѣда для отсылки его къ Морнингтону, и препоручивши ее попеченіямъ Г. Беквара, возвратился домой, чтобъ принесть Гжѣ. Голдвинъ пріятную вѣсть, что Оливія возвратилась въ спокойное свое жилище.

Различныя нещастія, которыя влекутъ за собою недостатокъ и бѣдность, коихъ Оливія была свидѣтелемъ, сдѣлали положеніе ея гораздо сноснѣйшимъ, нежели прежде нещастнаго ея приключенія. Обращеніе съ Бекваромъ и его женою, которая, не осмѣливаясь ходить въ замокъ, чтобъ съ нею видѣться, ждала той минуты, когда Гжа. Ванъ прогуливалась въ своемъ звѣринцѣ съ Фебою Робертъ, любимою ея горнишною служанкою; письма

ма Г. и Гжи. Голдвинъ, Лади Клиффордъ и Сира Роберта, вспомоществовали къ разогнанію ея скуки, и лучь надежды проницалъ иногда мрачное облако отчаянія, которое произходило отъ печальнаго воображенія, что она навѣки разлучилась съ такимъ мужемъ, котораго любила.

Вступивши снова въ дневныя свои упражненія, Оливія вспомнила о перепискѣ своей съ тѣмъ, которой продолжалъ скрывать отъ ней свое имя; она сожалѣла, что не получала болѣе сихъ писемъ, за чтеніемъ которыхъ всегда послѣдовали утѣшительныя размышленія, и желала, чтобъ онъ не забылъ ее; она скоро получила отъ него извѣстіе и подробное описаніе начальныхъ приключеній своей жизни. „Я изъ такой фамиліи, говорилъ незнакомой, которой посредственное имѣніе не допустило вывести воспитанія моего изъ предѣловъ простаго школьнаго наставленія. Низость моего рожденія была еще препятствіемъ произвожденію моему въ томъ состояніи, которое я избралъ и въ которомъ нужны были покро-

покровители, чтобы сыскать себѣ щастіе.„

„Не проникая въ будущее, вступилъ я въ бракъ, безъ всякаго размышленія, что я ввергну жену свою, а можетъ быть и дѣтей, въ бездну нещастій, которыхъ я старался убѣгать. Я не умедлилъ узнать моей погрѣшности, и оплакивалъ тогда свое убожество, которому я столь легкомысленно подвергнулъ жену свою. Тщетно старалась она своею нѣжностію усладить мои горести; я почиталъ тѣхъ только щастливыми, которые жили подъ вызолочеными карнизами. Униженъ будучи презрѣніемъ, сопряженнымъ съ низостію, воздыхалъ я только о благопріятствѣ щастія, и нерадѣлъ о выгодахъ, соединенныхъ съ посредственнымъ состояніемъ.„

„Какъ я былъ печаленъ и недоволенъ, то прелести жены моей престали мнѣ нравиться. Гордость и высокомѣріе любимцевъ щастія возмущали мое спокойствіе, и я не хотѣлъ быть отцемъ. Вкоренившаяся во мнѣ мысль, что я долженъ буду отказать своимъ дѣтямъ въ наслѣдство однѣ только оскор-

оскорбленія, которыя я терпѣлъ, умножала мое прискорбіе. Презрѣнъ будучи всѣми, отверженъ тѣми, которые, не зная недостатку моего въ деньгахъ, хвалили мой разумъ, но которые, узнавши мое положеніе, пренебрегали меня, рѣшился я наблюдать молчаніе и убѣгать общества, въ которомъ я испыталъ столько оскорбленій. Никто не противился моей рѣшимости, и тѣ самые, которые назывались моими друзьями, похвалили мое намѣреніе. Между тѣмъ временемъ одинъ родственникъ жены моей умеръ, и сдѣлалъ насъ наслѣдниками достаточнаго имѣнія. Какая перемѣна! великій Боже! со времени сего щастливаго произшествія ищутъ меня, подтверждаютъ все то, что я говорю и что дѣлаю; и ежели бы не научилъ меня опытъ опасаться ласкательства, то я былъ бы обманутъ своею суетностію.,,

,,Прошедшее служило мнѣ урокомъ; я вижу изъ теперешняго своего положенія, что каждое состояніе имѣетъ свои печали и радости, и что нѣтъ существеннаго щастія на землѣ. Истинная

ная мудрость не состоитъ въ хотѣніи избѣгать огорченій, но въ мужественномъ ихъ сношеніи. Когда рука злощастія управляетъ нами желѣзнымъ своимъ скипетромъ, то сія-то и есть минута, въ которую мы можемъ испытывать добродѣтели, которыя отличаютъ наше бытіе и которыя увѣряютъ насъ въ почтеніи тѣхъ, кои умѣютъ цѣнить насъ. Тогда-то религія простираетъ намъ руку помощи, и тогда-то спокойствіе души даетъ намъ наслаждаться тѣмъ удовольствіемъ, котораго никогда не получаютъ въ блестящихъ позорищахъ развращеннаго міра. Можете ли вы вкушать всегда то удовольствіе, котораго добродѣтели ваши дѣлаютъ васъ столь достойною?„

Сіи великодушныя попеченія могли произходить только отъ друга, которой зналъ Оливіино положеніе. Она не много имѣла труда угадать ту особу, которая старалась такимъ образомъ утѣшать ее; но прежде нежели узнала, что догадки ея были основательны, наблюдала она молчаніе, и старалась возпользоваться совѣтами,

кото-

которые предпринято было давать столь таинственнымъ образомъ.

Когда Оливія возвратилась въ ВанъГровъ, то положила въ число любимыхъ своихъ забавъ и ту, чтобъ вечеромъ прогуливаться въ саду, въ которомъ она ходила за цвѣтами. Однимъ днемъ, оставшись одна, чтобъ насладиться благовоніемъ душистыхъ ея деревцовъ, усмотрѣла она человѣка, обвернутаго въ старой суконной плащъ и котораго шляпа скрывала его лице; она вообразила, что онъ подсматривалъ за ея поступками, и сначала опустила то безъ всякаго вниманія; но видая того же человѣка всякой день въ томъ же мѣстѣ, была тѣмъ встревожена. То замѣчала она, что онъ имѣлъ видъ занятаго великимъ намѣреніемъ человѣка; то казалось, что онъ боялся быть преслѣдованъ и что онъ стремительно убѣгалъ. Оливія увѣдомила Г. Беквара о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и о своемъ сомнѣніи, что не былъ ли это дерзской Вилфордъ, которой, не могши исполнить своихъ предпріятій, старался отмстить за то, возмущая ея спокойствіе.

Бек-

Беквар совѣтовал ей не ходить болѣе ни в звѣринец ни в сад без провожанія служителя. Но видя, что сей незнакомой не покушался говорить с нею, по истеченіи нѣскольких дней перестала она тревожиться, и дѣлала обыкновенныя свои прогулки. Прежде нежели мы будем говорить о сем незнакомом, должно нам заняться Г. Ваном, котораго мы потеряли из виду с той самой минуты, когда сильной припадок ревнивости изгнал его из замка.

ГЛАВА 6.

Будучи обладаем страстію, которая лишила его разума, Ван, оставя жену свою, пришел к Рандалю, как к единому человѣку, способному питать его подозрѣнія. Давши ему свои приказанія и опредѣливши пенсію Гжѣ. Ван, поѣхал в Лондон в провожаніи одного служителя, и пробыл там только до того времени, когда узнал, что Даванпорт излѣчился от своих ран. Оттуда поѣхал в Париж, как в такое мѣсто,

ко-

которое способно было разогнать его печали продолжительнымъ послѣдованіемъ веселостей. Не могши излѣчиться отъ любви, которою онъ пылалъ еще къ прелестной Оливіи, желалъ онъ опять ее увидѣть, но отлагалъ свое намѣреніе по причинѣ тѣхъ писемъ, которыя получалъ онъ отъ Рандаля. Не смотря на вѣроломство сего злодѣя, добродѣтель Оливіина производила въ немъ нѣкоторой страхъ, которой препятствовалъ ему совсѣмъ очернить поведеніе ея, которое онъ принужденъ былъ почитать. Онъ не могъ также не послать къ господину своему двухъ писемъ, которыя писали къ нему вышняго состоянія особы, жившія въ сосѣдствѣ Ванъ-Грова, и похвалы, дѣлаемыя ими Оливіину благоразумію, умножали угрызѣнія Вановы.

Будучи увѣренъ, что онъ легкомысленно судилъ о поведеніи своей жены и по обманчивымъ только признакамъ, Ванъ рѣшился возвратиться въ Англію. Волнуемъ будучи печальнымъ помышленіемъ, что онъ заслужилъ Оливіину ненависть, пріѣхалъ со всею свитою къ Рандалю, которой

принялъ его съ притворною улыбкою, и ожидалъ тутъ благопріятнаго случая показаться женѣ своей. Въ сіе-то время подсматривалъ онъ подъ переодѣяніемъ, о которомъ мы говорили. Нынѣ будучи столь же скоръ на то, чтобъ вѣрить Оливіиной невинности, какъ прежде былъ скоръ на то, чтобъ почесть ее виновною, не смѣлъ онъ приближиться къ ея покоямъ, но однако не могъ противиться желанію видѣть ее. Ходя безпрестанно по ея стопамъ, бросалъ на нее нетерпѣливые взоры. Онъ удивленъ былъ блѣдностію въ ея лицѣ и перемѣною, отъ печали сдѣлавшеюся въ красотѣ ея, которая однакожъ сохраняла еще довольно прелестей, чтобъ вдохнуть пламеннѣйшія желанія. Хорошій вкусъ ея убора, спокойствіе, царствовавшее на челѣ ея, нѣжная томность въ глазахъ ея и пріятность ея улыбки питали тотъ огнь, которой пожиралъ его. Простыя ея забавы наконецъ убѣдили его, что порочная душа не могла бы заниматься сими невинными увеселеніями. Онъ тысячекратно принималъ намѣреніе броситься къ ногамъ ея, дабы испро-

сить

сить себѣ прощеніе, и всегда отвлекаемъ былъ отъ того стыдомъ, которой могли произвести выговоры, имъ заслуженные. Горячка заступила мѣсто душевныхъ страданій, которыя онъ сносилъ уже нѣсколько дней. Состояніе его произвело жалость въ нечувствительномъ Рандалѣ, которой въ первой разъ въ своей жизни узналъ, сколь любовь неограниченную имѣетъ власть надъ тѣми, которые ей покорены. Рандаль просилъ его окончать свои мученія скорымъ примиреніемъ съ предметомъ своей страсти. Ванъ принялъ сей совѣтъ, и ожидалъ минуты исполнить его на самомъ дѣйствіи.

ГЛАВА 7.

Въ саду былъ прекрасный храмъ, которой Ванъ, за нѣсколько дней до своей свадьбы, велѣлъ состроить, чтобъ посвятить его Гимену. Статуи сего бога и Любви украшали сей храмъ, которой искусство и хорошій вкусъ содѣлали пріятнѣйшимъ пребываніемъ. Весна уступила плѣняющія свои красоты для блистательнѣйшаго украшенія

лѣта. Румяная земляница уклоняла зеленѣющіеся свои листы, которые укрывали ее отъ взоровъ солнца. Каждое дерево приносило различную дань прекрасной покровительницѣ сего *земнаго рая*. Оливія, не хотя заключенною быть въ покояхъ, когда она могла наслаждаться толь различными веселостями, велѣла принести въ храмъ любимыхъ своихъ животныхъ, дабы раздѣлить съ ними дары прекраснаго дня. Птицы ея, привыкшія къ ея голосу, имѣли также свободу летать въ семъ прелестномъ лѣску. Она пила чай, работала и читала, между тѣмъ какъ маленькіе ея товарищи рѣзвились около ее. Будучи возхищена тѣмъ щастіемъ, которое она имъ доставила, и довольна тѣмъ спокойствіемъ, которое царствовало въ душѣ ея, прекрасная пустынница не примѣтила, что ночь застала ее въ сихъ мѣстахъ. Феба увѣдомила ее, что было уже поздно, и обѣ старались скликать птичекъ въ ихъ клѣтки.

Оливія съ трудомъ переловила ихъ. Одна канарейка, которую подарилъ ей Ванъ на канунѣ ихъ свадьбы, не хотѣла

тѣла повиноваться ея голосу. Она гналась за нею до самаго конца сада, и упрекала ее въ ея неблагодарности. „Я не буду тебя ласкать, говорила она ей. . . . Ты хочешь, по примѣру твоего господина, бѣжать отъ твоей Оливіи, которая тебя любитъ. . . ты маленькая вѣроломка. . . . Ахъ, Феба! ежели бы я могла столь же свободно возвратить жестокаго моего супруга, съ какою бы радостію заключила я его въ свои объятія! ... Вотъ онъ! вскричалъ одинъ голосъ, и тотчасъ Оливія увидѣла человѣка, бросившагося къ ногамъ ея; это былъ Ванъ. „Повтори сіи утѣшительныя слова, говорилъ онъ ей; прости супругу, которой умираетъ отъ стыда и раскаянія.„ Не возможно описать положенія Оливіина въ сію неожидаемую минуту. Она пришла въ обморокъ, и упала въ объятія Вановы, которой, пришедши въ отчаяніе, что привелъ ее въ сіе ужасное для него состояніе, упрекалъ уже себя ея смертію. Феба побѣжала звать на помощь; но прежде нежели услышали ея голосъ, Оливія пришла въ чувство. Ванъ держалъ ее въ своихъ

 объ-

объятіяхъ. „Не мечта ли сіе? вскричала она. . . . Вы ли это, котораго я столь желала видѣть? . . . Пришли ли вы осушить мои слезы? — Это я, я вѣрнѣйшій любовникъ, которой пришелъ умолить достойнѣйшую жену, имѣть сожалѣніе къ супругу, которой ее обожаетъ. Забудьте мои несправедливости — Я занимаюсь только удовольствіемъ быть съ вами. Прошедшее изглажено изъ моей памяти; и ежели я когда и воспомяну о томъ, то для того только, чтобъ возблагодарить небо, что оно соединило меня съ вами.„

Прибѣжавшіе на крикъ Фебинъ служители изъявляли свою радость, увидя возвратившагося своего господина, нѣжнѣйшими попеченіями о сбереженіи его. Впечатлѣніе, каковое сдѣлала надъ Ваномъ и Оливіею сія щастливая минута, произвело видимую перемѣну въ ихъ здоровьѣ. Они возвратились въ замокъ, и какъ спокойствіе утишило волненіе ихъ души, то предались они удовольствію, что опять соединились. На другой день сего произшествія Ванъ послалъ курьера къ Г. и

Гжѣ.

Гжѣ Голдвинѣ, къ Сиру Роберту и Лади Клиффордъ, позвать ихъ раздѣлить его и Оливiино щастiе. Въ стѣнахъ замка, въ которыхъ столь долгое время не слышны были гласы радости, отзывались тогда веселые вопли. Каждой старался поздравить двухъ супруговъ съ симъ непредвидѣннымъ возвращенiемъ, и тѣ, которые осуждали ихъ, усердно ихъ тогда хвалили.

Не смотря на Оливiины убѣжденiя, чтобъ принудить своего супруга простить преступленiя подлаго Рандаля, выгналъ онъ его изъ своей службы, и принудилъ его удовлетворить за тритцатилѣтнiя его хищенiя, произведенныя имъ надъ Вановыми крестьянами. Рандаль, чувствительнѣе будучи къ сей утратѣ, нежели къ безчестiю быть выслану изъ дому, которымъ онъ управлялъ какъ господинъ, съ печали умеръ, и такимъ образомъ содѣлался жертвою своей скупости. Никто не сожалѣлъ о немъ; онъ снесъ съ собою во гробъ только сожалѣнiе его родственниковъ, но которые не о немъ плакали, а о потерѣ его имѣнiя.

Уже всѣ Оливіины друзья собрались въ замокъ, въ которомъ происходили перемѣнныя веселости, какъ вдругъ схватила Г. Вана опасная лихорадка. Но стараніями Г. Беквара и здоровымъ своимъ сложеніемъ больной супругъ Оливіинъ поправился, а съ нимъ возстановилось спокойствіе Оливіино и веселіе друзей ея, которые вскорѣ по томъ уѣхали, обѣщаясь вскорѣ опять къ нимъ пріѣхать. Во время Вановой болѣзни любви достойная Оливія узнала, разговаривая съ Г Бекваромъ, что онъ былъ сочинитель тѣхъ писемъ, которыя причинили ей столько удовольствія. Она увѣдомила о семъ Г. Голдвина, которой, чтобъ возблагодарить за то Беквара, просилъ его, чтобъ онъ ввѣрилъ ему воспитаніе троихъ его сыновей, что Бекваръ принялъ съ живѣйшею признательностію.

ГЛАВА 8.

Выздоровленіе Г. Вана разлило спокойствіе въ душѣ Оливіиной, которое ничѣмъ бы возмущено не было, естьли бы она не получила печальныхъ

въ-

вѣстей отъ старика, котораго она видѣла въ Робертовой хижинѣ. Онъ увѣдомлялъ ее: „Въ ту минуту, когда я получилъ портретъ, которой увѣряетъ меня, что вы внучка Кавалера Морнингтона, принужденъ я былъ лечь въ постелю по причинѣ припадка, котораго слѣдствія вскорѣ лишатъ васъ вашего двоюроднаго дѣда. Такъ, любезная моя внучка, сей портретъ есть любезнаго моего брата, котораго потерю я столь долгое время оплакивалъ. Я надѣялся, что обрѣтши послѣднюю отрасль знаменитой моей фамиліи, небо попуститъ мнѣ самому притти къ вамъ для увѣренія васъ въ сей истиннѣ; но я тщетно тѣмъ ласкался: болѣзнь моя заставляетъ меня помышлять только о смерти. Скоро будете вы наслѣдницею посредственнаго имѣнія, которое нещастія, расточеніе во время моего юношества, нѣкоторые пороки и непредвидѣнныя приключенія гораздо уменьшили. Я еще весьма щастливъ, что могъ сберечи отъ кораблекрушенія часть безчисленнаго имѣнія. Пользуйтесь имъ, каково оно есть, и не

забывайте никогда нещастнаго Сира Эдуарда Морнингтона.,,

Вскорѣ по полученіи сего письма Оливія увѣдомилась о смерти двоюроднаго своего дѣда, о которомъ она искренно сожалѣла. Г. Ванъ тотчасъ поѣхалъ для отданія ему послѣдняго долгу, и привезъ съ собою доказательства, которыя уполномочивали его вступить во владѣніе имѣніемъ и титлами его фамиліи. Между бумагами Кавалера Морнингтона нашлось чувственное завѣщаніе, надписанное Гжѣ. Ванъ, слѣдующаго содержанія.

ГЛАВА 9.

Чувственное завѣщаніе.

Любви достойная и кроткая Оливія, дражайшая сирота любезнаго брата! хотя жизнь моя не продлилась далѣе предѣловъ, предписанныхъ натурою, но опытъ дополнилъ недостатокъ лѣтъ. Подъ видомъ человѣконенавидѣнія и убожества имѣлъ я случай примѣтить, что заслуга, честь и добродѣтель суть слабыя преимуще-

ства въ семъ мірѣ, ежели богатство не ссужаетъ ихъ надмѣннымъ своимъ блескомъ.

По симъ примѣчаніямъ будь скупа на время; не расточай его съ тѣми, которыхъ разговоры не могутъ умножить твоего просвѣщенія. Расточители скоротекущихъ часовъ полагаютъ цѣну только породѣ и другимъ преимуществамъ, зависящимъ отъ случая. Ежели щастіе по тому же самому своенравію, по которому оно наградило васъ оными, похищаетъ у васъ ихъ: то сіи самые друзья перемѣняютъ свидѣтельствованія своей дружбы въ оскорбительные упреки, и ваше нещастіе считаютъ преступленіемъ.

Люди кричатъ: „Какъ страненъ свѣтъ, въ которомъ мы живемъ!„ Сему примѣчанію надобно имѣть причину; но что такое содѣлываетъ сей свѣтъ страннымъ? Ничто, кромѣ собственнаго нашего своенравія.

Не ходятъ безъ того по стезѣ честолюбія, чтобъ не подвергнуться на оной развращенію своего сердца и опасности потерять строгія начала честности. Предохраняй себя отъ дѣй-

дѣйствій гордости: это врагъ спокойствія и удовольствія. Ищи всегда простаго и благороднаго покрова смиренія, то на неровномъ пути жизни родиться будутъ розы подъ твоими стопами. Иногда будетъ попадаться тебѣ на ономъ терніе; но оно причинитъ тебѣ легкую только рану. Помни, что нещастіе часто бываетъ другомъ, а щастіе врагомъ.

Убѣгай неправосудія: лучше казаться виновною предъ глазами міра, нежели быть таковою въ самомъ дѣлѣ. Чистое сердце, не угрызающая совѣсть суть сокровища, предпочтительнѣйшія предъ обладаніемъ діадимою.

Взирай на простыя красоты природы, и по ея урокамъ презирай вспомоществованія искусства нравиться. Не употребляй также во зло ея благосклонностей, хотя она и даетъ намъ свободу наслаждаться оными; предписывая предѣлы нашимъ желаніямъ, она научаетъ насъ, чтобъ не преступать ихъ посредствомъ порока и своеволія.

Не-

Невинность не есть щитъ противъ клеветы; но она препятствуетъ, чтобъ стрѣлы ея смертельно насъ ранили.

Вотъ истинна, вездѣ принятая: „Что человѣкъ, не имѣющій жалости къ животнымъ, нечувствителенъ къ нещастіямъ себѣ подобныхъ.„ Всевышнее Существо, которое сотворило ихъ безъ сомнѣнія для нашего употребленія, не имѣло намѣренія, дая имъ жизнь, чтобъ мы имѣли преимущество надъ ними для того, чтобъ ихъ мучить.

Какъ страхъ есть слабость духа, то надобно стараться покорить его подъ власть разума; много есть примѣровъ, что смерть была слѣдствіемъ пустаго страха.

Какъ мы предназначены къ тому, чтобъ умирать, то благоразумно будетъ познакомиться съ разрушеніемъ нашего тѣла. Взирай на сію страшную минуту, какъ на такую, которая приведетъ тебя въ состояніе спокойствія и вѣчнаго блаженства, и ты будешь смотрѣть на смерть подъ пріятными чертами.

Мало людей, прилѣжно разсуждающихъ о глупостяхъ ихъ юношества. Ежели бы они оглянулись на прошедшее, то увидѣли бы, что нещастія, на которыя они жалуются, суть дѣло ихъ неблагоразумія.

Благотвореніе подобно солнцу, которое бросаетъ животворные свои лучи и на полевые цвѣты и на высящійся дубъ.

Прощай оскорбленія, и не вѣрь тому, кто тебя единожды обманулъ.

Дружество есть благороднѣйшее и великодушнѣйшее чувствованіе. Ежели ты испытала друзей своихъ въ нещастіи, которымъ ты была удручаема: то никогда не сомнѣвайся о ихъ искренности.

Что есть добрая слава? Одна непостоянная мысль: нынѣ трубитъ для тебя, завтра для другаго. Къ чему служитъ украшать гробъ нашъ побѣдоносными лаврами, или гордыми надписями? Похвалы никогда не проницаютъ мрачнаго сего жилища; украшенія суетности не могутъ сокрыть сего страшнаго предмета. Да не воздвигаютъ на моемъ прахѣ другаго монумен-

мента, кромѣ сей надгробной на камнѣ надписи:

Здѣсь лежитъ смертный, которой никого не обманывалъ; любилъ свѣтъ, и жилъ какъ доброй Христіянинъ.

ГЛАВА 10.

Потеря родственника въ ту самую минуту, когда небо его открыло, живѣйшимъ образомъ тронула чувствительную Оливію. Мужъ ея, стараясь разогнать тоску ея, предложилъ ей ѣхать въ Лондонъ для свиданія съ Лади Клиффордъ, но чтобъ прежде погостить нѣсколько дней у почтеннаго Голдвина, которой уже долгое время ожидалъ сего. Оливія возхищена была намѣреніемъ Г. Вана, и увидѣла тотъ домъ, въ которомъ она провела свое младенчество, съ тою спокойною радостію, которая содѣлываетъ каждый предметъ пріятнѣйшимъ для души и разума. Она посѣтила всѣ тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями невинныхъ ея удовольствій.

ствій. Ни одна хижина не избѣгла отъ обязательныхъ ея попеченій; она перебѣжала съ подругами перваго своего юношества всѣ любимыя ею рощицы, и почитала еще себя быть въ томъ щастливомъ возрастѣ, въ которомъ ничто не возмущало спокойствія ея сердца. Какъ мужъ ея былъ одинъ предметъ ея желаній, то никакое непріятное воспоминаніе не занимало ее, когда она находилась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Даванпортъ клялся ей въ своей вѣрности.

Вкусивши пріятнѣйшее удовольствіе въ сообществѣ Г. и Гжи. Голдвинъ, оба супруга поѣхали въ столицу, гдѣ приняты были отъ Леди Клиффордъ и Сира Роберта такъ, какъ они имѣли право того ожидать. Все было новое для прекрасной Оливіи, которая видала одни только провинціяльные города. Общества, зрѣлища и другія публичныя забавы въ минуту ей понравились; но тотчасъ были послѣдуемы желаніемъ возвратиться въ спокойное свое уединеніе. Обряды большаго свѣта наскучили ей; часто говорила она своему мужу, что надлежало

имѣть

имѣть глаза, обвороженные нѣкоторою скрытною приманою, чтобъ согласиться быть рабомъ столь обманчивыхъ веселій. Пріятельница ея издѣвалась надъ нею въ томъ, что она чувствительна была только къ представленію хорошей трагедіи, или комедіи, и въ томъ безпристрастіи, которое она оказывала ко всякому другому увеселенію.

Совсѣмъ противное тому происходило съ Лади Клиффордъ. Со времени своей свадьбы познакомилась она съ молодыми женщинами, которыхъ вѣтреной характеръ перемѣнилъ и ея; совѣты ихъ тотчасъ принудили ее слѣдовать ихъ примѣру. Тщетно мужъ ея противился необузданному желанію, съ каковымъ учащала она всѣ мѣста, посвященныя публичнымъ забавамъ: она не слушала его. Лади Клиффордъ была уже при концѣ своей беременности, какъ Оливія пріѣхала въ Лондонъ. Сиръ Робертъ ласкался, что сіе обстоятельство и пріѣздъ ея пріятельницы будутъ благопріятною минутою, чтобъ принудить жену свою умѣрить нѣсколько страсть ея къ веселостямъ, которыя разстроили ея здоровье. Оливія

рѣшилась помогать убѣжденіямъ Сира Роберта, и изъ отвѣта Лади Клиффордъ узнала, что часто опасно бываетъ для дружества вмѣшиваться въ подаваніе совѣтовъ.

Однимъ днемъ будучи вмѣстѣ въ уборной комнатѣ Лади Клиффордъ, жаловалась сія на припадокъ, которой приписывала своему состоянію. „Я не удивляюсь тому, говорила ей Оливія; какъ можно, чтобъ вы были здоровы, ведя такую жизнь? Помыслите о тѣхъ пожертвованіяхъ, каковыя вы сдѣлали для свѣта, которой не въ состояніи вознаградить вамъ потерю вашего здоровья. — Не хотите ли вы, чтобъ я по примѣру нѣкоторыхъ людей удалилась отъ общества, чтобъ избѣжать мигрены? — Нѣтъ, но я желала бы видѣть васъ поразсудительнѣе, чтобъ принаровить васъ ко вкусу такого супруга, которой предпочитаетъ ваше общество предъ всякимъ другимъ, и которой основываетъ свое щастіе на надеждѣ имѣть наслѣдника. — Какое предложеніе! такія чувствованія составляли щастіе во времена Патріарховъ, когда люди

жили

жили Богъ знаетъ сколько сотъ лѣтъ, и тогда только были щастливы, когда видѣли въ семействѣ своемъ нѣсколько сотъ сыновей и дочерей; но слава Богу! нынѣшніе потомки не имѣютъ такого честолюбія: Провидѣніе, благоизволивши сократить дни наши, вознаграждаетъ насъ за оные приращеніемъ множества забавъ, которыхъ не знали сіи бѣдные живщіе до потопа, и въ которыхъ они безъ сомнѣнія имѣли великую нужду. — Доколѣ вы будете издѣваться, дотолѣ дружество не будетъ имѣть силы убѣдить васъ. — Не досадуйте; мой веселой видъ показываетъ вамъ, что я старательно буду удаляться тѣхъ поученій, которыя Г. Голдвинъ столько разъ проповѣдывалъ вамъ; но я предупреждаю васъ, что безполезно будетъ увѣщавать меня повиноваться моему мужу. Ежели бы онъ вздумалъ наложить на меня такіе же законы, на какіе вашъ мужъ имѣлъ искусство согласить васъ: то я тотчасъ уѣхала бы во Францію или въ Ганноверъ, утѣшить себя тамъ съ какимъ нибудь любовникомъ. . . Не про-

продолжайте, говорила ей Оливія вставая, я не буду вамъ болѣе скучать ни поученіями Г. Голдвина, ни собственными своими совѣтами, которые произходятъ только отъ друга, старающагося о вашемъ щастіи.„ Она вышла отъ нее, не смотря на усилія Лади Клиффордъ, чтобъ удержать ее.

Нѣсколько дней спустя, Оливія и мужъ ея ѣздили съ Сиръ Робертомъ и его женою на концертъ и балъ къ Лади Коррингтонъ. Возвращаясь оттуда, карета опрокинулась, и Лади Клиффордъ столь испужалась отъ сего приключенія, что прежде времени произвела на свѣтъ младенца. Тогда-то сожалѣла она, что не слѣдовала совѣтамъ своей пріятельницы; но Оливія старалась только утѣшать ее; и когда она увидѣла ее оправившеюся, такъ что безъ опасенія могла ее оставить: то возвратилась въ Ванъ-Гровъ, куда влекла ее ея наклонность.

Съ какою радостію увидѣла она спокойное свое убѣжище! Мужъ ея, будучи свидѣтелемъ, что вихрь большаго свѣта не поколебалъ души, образованной добродѣтелію, не преставалъ

валЪ хвалитъ себя за свой выборЪ; онЪ краснѣлЪ отъ стыда, что обидными своими подозрѣніями опечалилЪ такую жену, сердцемЪ которыя онЪ одинЪ обладалЪ. ВокругЪ сей щастливой пары все процвѣтало. Оливія ободряла трудолюбіе, а мужЪ ея изыскивалЪ всякіе способы, чтобЪ представлять ей новые предметы, на которые она разливала бы свое благотвореніе. Сіе щастливое состояніе прервалось письмомЪ Сира Роберта Клиффорда, которой увѣдомлялЪ, что какЪ здоровье его жены требовало, чтобЪ она пользовалась Батскими водами, то она не хотѣла принять ЛѣкарскихЪ совѣтовЪ, естьли Гжа. ВанЪ сЪ нею не поѣдетЪ.

Прозьбы друга служили вмѣсто приказаній, которыя двое супруговЪ приняли сЪ радостію. Они согласились о мѣстѣ, куда собираться, и оттуда поѣхали вЪ БатЪ, вЪ которой прекрасная погода привлекла многочисленныя компаніи. Сіе мѣсто представило Оливіи новыя увеселительныя позорища. Она весьма удивилась, увидѣвши тамЪ людей, болѣе занимающихся стараніемЪ себя разстроить, нежели своимЪ

здоровьемъ, которое она почитала главнымъ концемъ всѣхъ, часто ѣздившихъ къ водамъ. Изумленiе ея удвоилось, когда по выздоровленiи Лади Клиффордъ была она въ залахъ собранiя, въ которыхъ доброе и худое общество трехъ государствъ, казалось, назначило себѣ сборное мѣсто.

Несмотря на многочисленность женщинъ, которыя въ сихъ залахъ выказывали свои прелести, красота Оливiина остановила на себѣ всѣхъ взоры. Каждой старался узнать ея имя, и уже многiе молодые люди дѣлали проэкты, чтобъ ей понравиться, какъ узнали, что она была жена до крайности ревниваго человѣка. Другiя изъ ея пола ласкали ее похвалами, которыя расточаемы были со всѣхъ сторонъ, когда она показывалась въ публикѣ; но она напротивъ желала быть замѣшанною въ толпѣ; все ея честолюбiе ограничивалось сохраненiемъ сердца ея супруга.

Слѣдуя Аглинскому обыкновенiю, данъ былъ балъ, сборъ съ котораго принадлежалъ церемонiймейстеру. Оливiя и компанiя ея прибыли въ залу въ

то

то время, когда всѣ собрались въ оную. Сиръ Робертъ подалъ ей руку. Какъ устремлявшіеся на нее всѣхъ взоры разстроивали ее, то она просила его отвесть ее въ какое нибудь отдаленное мѣсто въ залѣ, пока сыщетъ онъ Лэди Клиффордъ и Г. Вана, которые замѣшались въ толпѣ. Едва она только сѣла на томъ мѣстѣ, куда Сиръ Робертъ привелъ ее, какъ Лордъ С... опираясь на плечо другаго Лорда, старѣйшаго лѣтами, нежели онъ, приближился къ ней съ задумчивымъ видомъ и говорилъ своему товарищу: „Это прелестная Гжа. Ванъ, которую жестокой мужъ держалъ въ заключеніи въ старомъ замкѣ цѣлые два года, для того что онъ не знаю къ кому-то ревновалъ; но безъ сомнѣнія онъ любилъ ее столько же, сколько и она. Надобно думать, что темничный ея стражъ умеръ, для того что мы видимъ ее между живыми.„

Сей разговоръ слышала Оливія и другой человѣкъ, котораго видъ показывалъ глубочайшую задумчивость. Онъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стула, которой она занимала. При

имени Вана сошелъ онъ съ своего мѣста; и какъ онъ повернулся вдругъ къ Оливіи, то въ обезображенныхъ чертахъ умирающаго узнала она нещастнаго Лорда Даванпорта. Ужаснувшись, увидя его столь блѣднаго и перемѣнившагося и дрожа отъ страха, чтобъ мужъ ея не засталъ ее разговаривающую съ старымъ его соперникомъ, встала, чтобъ уйти отъ него, но не имѣла къ тому силы: ноги ея отказались служить ей. Даванпортъ приближился; она давала ему знакъ рукою, чтобъ онъ удалился; но онъ не слушался ее, и говорилъ ей слабымъ голосомъ: „Сія минута должна причинить мнѣ смерть; я не могу опустить случая, чтобъ навѣки съ вами проститься. Посмотрите на мое состояніе; оно есть слѣдствіе моего неблагоразумія и разкаянія, что я былъ причиною вашихъ печалей. Простите меня въ нихъ. — Для Бога удалитесь отъ меня, естьли не хотите подвергнуть меня новымъ мученіямъ. Будьте довольны тѣмъ, когда узнаете, что однѣ только ваши страданія дѣлаютъ препятствіе моему щастію, которое было бы совершенно,

но, естьли бы вы были благополучны. — И такъ здѣсь они окончатся. ,, . . Злощастный Даванпортъ, не могши снести сильнаго движенія, произведеннаго въ его сердцѣ таковымъ открытіемъ, упалъ безъ чувствъ. Оливія испустила вопль, на которой прибѣжали; она просила имѣть попеченіе о дворянинѣ, которой, говорила она, упалъ въ обморокъ безъ сомнѣнія отъ находящейся въ залѣ духоты. Какъ скоро увидѣла она его нѣсколько оправившимся, то замѣшалась въ толпу, опасаясь, чтобъ онъ не сталъ въ другой разъ разговаривать съ нею. Лади Клиффордъ, съ которою она встрѣтилась и которая примѣтила по блѣдности ея лица, что какое нибудь произшествіе привело ее въ сильное движеніе, спрашивала у ней о причинѣ того: ,,Поѣдемъ отсюда, возразила Гжа. Ванъ: я имѣю сильныя причины требовать сего снизхожденія. ,,

Когда онѣ оттуда возвращались, то Оливія увѣдомила свою пріятельницу о печальномъ позорищѣ, котораго она была предметомъ, и ея страхи возобновили прежніе, которыхъ она ужаса-

ужасалась болѣе нежели смерти. Съ своей стороны Лади Клиффордъ призналась, что ей не неизвѣстно было, что Даванпортъ находился въ Батѣ; но что зная худое состоянiе его здоровья и намѣренiе его ѣхать въ Монтпеллiеръ, какъ скоро онъ въ состоянiи будетъ предпринять сiе путешествiе, не хотѣла встревожить ее такою вѣстiю, которая воспрепятствовала бы посѣщать ей тѣ мѣста, въ к ихъ не думала она, чтобъ умирающiй человѣкъ осмѣлился показать жалостную свою фигуру. „Я обѣщаюсь вамъ, прибавила она, что во все время пребыванiя его въ Батѣ мы не будемъ показываться въ публику.„ Положившись на обѣщанiе своей прiятельницы, любви достойная Оливiя безпокоилась только о печальномъ положенiи такого человѣка, котораго она нѣжно любила.

Припадокъ Лорда Даванпорта и произшедшiя отъ него печальныя слѣдствiя скоро дошли до ушей Лади Даванпортъ, которая въ ближней комнатѣ играла въ вистъ. Тотчасъ она прилетѣла къ нему и дѣлала ему нѣжные выговоры за то, что онъ пришелъ въ та-

такое мѣсто, которое столь мало прилично его здоровью; она просила его удалиться домой, что онъ и сдѣлалъ, провожаемъ будучи своимъ Лѣкаремъ. Три дни спустя послѣ нещастнаго свиданія, которое доказало ему, сколько онъ еще любилъ прекрасную Оливію, выѣхалъ онъ изъ Баша и поѣхалъ во Францію къ великому удовольствію своей жены, которая давно уже желала видѣть Парижъ. Оливія, увѣдомившись отъ Лади Клиффордъ о Даванпортовомъ отъѣздѣ, снова начала посѣщать общества, и продолжала заслуживать въ оныхъ похвалы, въ которыхъ не можно было отказать толикимъ прелестямъ, пріятностямъ и чистосердечію.

ГЛАВА II.

Какъ воды, или лучше сказать различныя забавы возстановили здоровье Лади Клиффордъ, то Оливія упросила ее проводить нѣсколько мѣсяцовъ въ Вановомъ замкѣ; и какъ взаимное ихъ дружество не попускало имъ болѣе жить въ отдаленіи на столь великое разстояніе: то Сиръ Робертъ купилъ

по

по сосѣдству къ Вановой деревнѣ землю, и построилъ на оной домъ, въ которомъ, чтобъ угодить женѣ своей, принялъ намѣреніе пребывать большую часть года, что для Оливіи было пріумноженіемъ щастія. Когда она принуждена бывала разлучаться съ своею пріятельницею, которая послѣдовала за своимъ мужемъ въ Лондонъ, куда призывали его дѣла: то она дополняла отсутствіе ея компаніею Эмиліи Голдвинъ, своей любимицы.

Эмилія, не будучи прекрасна, обладала всѣми прелестями плѣняющаго смугловатаго лица; душа ея изображалась въ чертахъ ея, а живость страстей ея въ прекрасныхъ ея глазахъ. Она была высока и статна, и веселость управляла всѣми ея движеніями. Хотя едва минуло ей шестнатцать лѣтъ, но сердце ея покорено уже было любви. Одинъ молодой военной человѣкъ, по имени Мидлетонъ, сдѣлалъ ее чувствительною; но Эмилія боялась, что родители ея не согласятся на ихъ соединеніе. Она открыла свои сомнѣнія Гжѣ. Ванъ, которая, прельстившись ея чистосердечіемъ, обѣщала ей

свое

свое ходатайство, ежели предметъ ея страсти заслуживалъ ея нѣжность. Оливія, ничего не скрывавшая отъ своего мужа, сообщила ему тайну Миссъ Голдвинъ, и нашла его столь благорасположеннаго въ ея пользу, что онъ увѣрилъ ее, что дастъ ей пристойное приданое, естьли Мидлетонъ достоинъ былъ ея выбора.

Оба супруга скоро увѣрились сами собою, что Эмилія не отдала сердца своего случаю. Будучи на балѣ, которой данъ былъ въ одномъ маленькомъ городкѣ по причинѣ ярмонки, нашли тамъ и Мидлетона, хотя Эмилія и не ожидала его тамъ увидѣть. Какъ скоро она примѣтила его, то смятеніе ея удвоилось; не могши сокрыть отъ Оливіи смущенія своей души, говорила ей дрожащимъ голосомъ: „Сей молодой воинъ, которой привлекаетъ на себя вниманіе собранія, есть тотъ Мидлетонъ, о которомъ я столь часто съ вами говорила.„ Станъ его, лицо и почтительный видъ, съ каковымъ онъ приближился для привѣтствованія Эмиліи,

сдѣлали толь благопріятное надъ Гжею. Ванъ впечатлѣніе, что она приняла его со всевозможнымъ отличіемъ. Г. Ванъ не менѣе предубѣжденъ былъ въ пользу Мидлетона, разсматривая его во все то время, когда онъ танцовалъ съ Миссъ Голдвинъ. Будучи доволенъ оказываемымъ имъ къ ней уваженіемъ и безъ сомнѣнія вспомня удовольствія, каковыя вкушаютъ два сердца, соединенныя одинаковымъ чувствіемъ, Ванъ пригласилъ Мидлетона къ себѣ на другой день по утру на завтракъ, что онъ и принялъ съ удовольствіемъ. Румянецъ, покрывшій Эмиліины щоки, изъявлялъ лучше, нежели слова, сколь она довольна была симъ приглашеніемъ. Разумъ и пріятность, открытыя Ваномъ въ разговорахъ, которые онъ имѣлъ съ Мидлетономъ, умножили то доброе мнѣніе, которое онъ уже имѣлъ о немъ, и обязали его принять живѣйшее участіе въ бракѣ его съ Миссъ Голдвинъ. Однакожъ Г. и Гжа. Ванъ, не хотя въ дѣлѣ таковой важности легкомысленно подвергнуть щастіе Эмиліино безполезнымъ разкаяніямъ, позволили Мидлетону посѣщать домъ

ихъ, какъ единое надежное средство узнать его характеръ.

Между тѣмъ временемъ Гжа. Ванъ получила письмо отъ Лади Клиффордъ, которая, между другими новостями, увѣдомляла ее о смерти Лади Даванпортъ, умершей родами въ Монтпеллiерѣ, каковое извѣстiе весьма опечалило и изумило чувствительную Гжу. Ванъ. Она особенно живѣйшимъ образомъ тронута была сею потерею, когда узнала, что Даванпортъ далъ тому младенцу, которой стоилъ жизни его женѣ, имя Оливiи. Не смотря на пользу, каковую она должна была имѣть, сокрывши сiе обстоятельство отъ своего мужа, подала ему письмо отъ Лади Клиффордъ. Хотя таковая довѣренность удалила всѣ подозрѣнiя, хотя прошедшеее излѣчило Вана отъ его ревнивости, но онъ сожалѣлъ о нещастномъ Даванпортовомъ состоянiи; и даже признавался, что онъ любилъ его какъ друга до той минуты, когда онъ примѣтилъ, что онъ былъ его соперникъ. Онъ сказалъ еще болѣе, что имѣя толико опытовъ Оливiиной привязанности, съ удовольствiемъ увидитъ

Даван-

Даванпорта и добровольно удовлетворитЪ за тѢ обиды, вЪ причиненіи которыхЪ такому человѢку, коего состояніе живѢйшимЪ образомЪ его трогало, онЪ упрекалЪ себя. ВЪ самомЪ дѢлѢ можно ли винить его вЪ такомЪ чувствіи, котораго всю власть самЪ онЪ испыталЪ? Щастіе его и удовольствіе, которое онЪ вкушалЪ вЪ супружественномЪ союзѢ, вдохнули вЪ него снизхожденіе кЪ нещастному сопернику.

Та же побудительная причина сдѢлала его столь благопріятнымЪ кЪ Мидлетону, которому кЪ полученію предмета своихЪ желаній недоставало только согласія Г. Голдвина. МидлетонЪ, изЪяснившись о семЪ сЪ Г. ВаномЪ и изЪявивши ему чувствительную свою благодарность за его снизхожденія, увѢдомилЪ его вЪ присутствіи Оливіи о тайнѢ своего рожденія и желаніи увидѢть своего отца, прежде нежели совершится его щастіе. „Я называюсь не МидлетономЪ, говорилЪ онЪ имЪ; нужда дала мнѢ таковое имя; для того что я есмь плодЪ такого союза, которой стоилЪ многихЪ слезЪ моей матери. Она будучи дочь одно-

одного Лѣкаря, знаменитаго по своему знанію и по чину, которой онъ занималъ въ свѣтѣ, ласкалась быть наслѣдницею великаго имѣнія, какъ смерть отца ея заставила ее оплакивать потерю его самаго и его имѣнія, которое должно было оставить заимодавцамъ.„

„Лишенная помощи, оставленная ближними своими родственниками, искала она должности у модной торговки, у которой отецъ мой смертельно въ нее влюбился. Я прохожу въ молчаніи сдѣланное ею преступленіе, для того что я одолженъ оному своимъ рожденіемъ. Обороты щастія принудили отца моего оставить Англію, чтобъ искать въ другой части свѣта, чѣмъ бы вознаградить потери, которыя фамилія его испытала. Онъ поѣхалъ въ Ямайку и обѣщалъ моей матери подавать помощь, пока она будетъ себя вести съ благоразуміемъ. Съ сей стороны не имѣлъ онъ ничего опасаться, и мать моя испытала, что она не была забыта. Я со тщаніемъ былъ воспитанъ; дали мнѣ воспитаніе такого человѣка, которой

должен был нѣкогда видѣн быть в свѣтѣ. Когда я достиг такого возраста, что надобно было вступить мнѣ в какое нибудь состояніе: то отец мой пожелал, чтоб оно было такое, в котором бы можно было оказать свою храбрость в защищеніи отечества. Мы получили недавно письмо, которое произвело надежду в моей матери опять увидѣть творца моей жизни, и что добродѣтель ея будет наконец вознаграждена соединеніем, которое должно бы было произойти, естьли бы скорой отъѣзд моего отца попустил ему исполнить свое обѣщаніе.,,

Сим открытіем Мидлетон умножил к себѣ почтеніе Оливіи и ея супруга; они удвоили стараніе о молодом человѣкѣ, котораго нещастія много их тронули. Ван писал к Полковнику того полку, в котором Мидлетон был Капитаном. Получивши от него благопріятный отвѣт, касательно до нравов его и до рачительности в исполненіи его должности, рѣшился увѣдомить о том Г. Голдвина, чтоб докончить соедине-

ненie двухъ любящихся. Сей доброй отецъ не умедлилъ согласиться на щастie своей дочери; но то, что подало еще выгоднѣйшее мнѣнie о супругѣ, котораго онъ ей назначилъ, было позволенie, котораго просилъ онъ, чтобъ отложить торжествованie его брака до возвращенiя отца его, которой, какъ онъ говорилъ, чрезъ нѣсколько дней прiѣдетъ. Сiя разборчивость весьма много сходствовала съ Голдвиновыми началами, такъ что онъ не могъ не похвалить ее. Съ сей минуты поступалъ онъ съ Мидлетономъ какъ съ своимъ сыномъ, и позволилъ Эмилiи помышлять о немъ какъ о своемъ супругѣ.

Щастливая благополучiемъ своихъ друзей Оливiя увѣдомила Гжу. Голдвинъ, Сира Роберта и Лади Клиффордъ о всемъ томъ, что происходило въ замкѣ, и звала ихъ на свадьбу Миссъ Голдвинъ. Мидлетонъ съ своей стороны увѣдомилъ мать свою о новости, столь сообразной съ его желанiями, а Г. и Гжа. Ванъ убѣждали ее прiѣхать къ своему сыну, которой стоилъ ей толь великихъ пожертво-

 ванiй.

ваній. Воспоминаніе о своемъ преступленіи и страхъ видѣть себя отринутою тѣмъ, кто содѣлалъ ее виновною, принудили ее отказаться на приглашеніе друзей ея сына до того времени, пока она извѣстна будетъ о жребіи, которой ей приготовляли.

ГЛАВА 12.

Провидѣніе попустило напослѣдокъ, чтобъ щастливое произшествіе окончило безпокойства Эмиліи, любовника ея и нещастной Мистрисъ Мидлетонъ. Однимъ вечеромъ, когда Оливія, мужъ ея и Эмилія сидѣли у камина и разговаривали о нѣкоторыхъ разпоряженіяхъ, касательно до свадьбы, служитель увѣдомилъ Гжу. Ванъ, что одинъ незнакомой требовалъ переговорить съ нею. Съ самаго Вилфордова приключенія не осмѣливаясь болѣе принимать безъ свидѣтелей такихъ людей, которыхъ имени она не знала, приказала ввести незнакомца въ залу, въ которой она была. Вскорѣ послѣ того показался хорошаго виду человѣкъ; онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько

ми-

минутъ, не говоря ни слова, а потомъ вскричалъ: „Это она! это точныя черты сестры моей, любезной моей Оливіи Гамилтонъ!„ Сіи произнесенныя съ радостію слова сдѣлали живѣйшее впечатлѣніе надъ Гжею. Ванъ, которая увидѣла себя въ объятіяхъ незнакомца, такъ что она не имѣла времени защититься отъ него. „Я, продолжалъ онъ, братъ сей любезной сестры, которая принуждена была съ нимъ разлучиться въ ту минуту, когда бракъ соединилъ ее съ добродѣтельнымъ Эдфордомъ. Щастіе долго меня гнало въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ я надѣялся снискать его благосклонность; постоянство мое обезоружило его, и я возвращаюсь отягченнымъ его благодѣяніями.„

Возбудившись какъ бы отъ сна, Оливія не могла вѣрить, чтобъ она была въ объятіяхъ дяди, о которомъ мать ея часто дѣлала хорошее описаніе. Послѣ, какъ всѣ изъявили свою радость, каковую произвело таковое возвращеніе, Г. Гамилтонъ разсказалъ, кикимъ образомъ узналъ онъ о бракѣ своей племянницы съ Г. Ваномъ; потомъ

томъ говорилъ о самомъ себѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Обороты щастія, которые испыталъ отецъ мой, принудили меня, такъ какъ и другихъ, искать прокормленія подъ чужимъ небомъ: я долгое время терпѣлъ тамъ нищету. Три года спустя по кончинѣ сестры моей и ея мужа, узналъ я о ихъ смерти. Такимъ же образомъ провѣдалъ я, что они оставили одну дочь, и что одинъ честной церковный служитель взялъ ее въ свой домъ. Какъ отеческія попеченія Г. Голдвина обезпечили меня въ жребіи моей племянницы, то рѣшился я наблюдать молчаніе, и положилъ намѣреніе не прежде давать о себѣ знать, какъ когда я въ состояніи буду дать ей довольное имѣніе, чтобъ вознаградить онымъ то, которымъ пожертвовалъ отецъ ея для поддержанія нещастной моей фамиліи. Небо поспѣшествовало моимъ желаніямъ, и я пришелъ расплатиться съ долгомъ, которой я занялъ подъ его щастливымъ преднаменованіемъ. Для чего не могу я содѣлать великодушнаго Элфорда свидѣтелемъ той радости,

сти, какую я чувствую, взирая на дочь его! Да, любезная моя племянница, отецЪ твой осушилЪ слезы добродѣтельнаго старика вЪ то время, когда всѣ оставили его; онЪ питалЪ его, покоилЪ, не презрилЪ совокупиться сЪ его дочерью, которая принесла вЪ приданое только убожество ея родителей. Я самЪ испыталЪ,,... Г. ГамилтонЪ не могЪ говорить болѣе; слезы Оливіи, Вана и Эмиліи такое сдѣлали впечатлѣніе надЪ его сердцемЪ, что онЪ не имѣлЪ силы продолжать. При трогательномЪ описаніи, которое онЪ дѣлалЪ о нещастіяхЪ своей фамиліи, Оливія сЪ нѣжностію взирала на своего супруга, и ея взоры изражали, что она обрѣла вЪ немЪ всѣ добродѣтели достойнаго Элфорда.

За сею безмолвною сценою послѣдовали вопросы и другія подробности, между коими ГамилтонЪ увѣдомилЪ Оливію, что онЪ былЪ у Г. Голдвина, что ему одолженЪ онЪ щастіемЪ, быть вЪ сію минуту сЪ нею, что онЪ пробудетЪ вЪ ВановомЪ замкѣ только до завтра, что онЪ долженЪ увидѣться сЪ другими друзьями, которые вос-

хищены будутъ, узнавши о его возвращеніи; что послѣ сего опять пріѣдетъ онъ въ Ванъ-Гровъ, въ которомъ пробудетъ должайшее время. Легко подумать можно, что такое обѣщаніе давано и принимаемо было съ равнымъ удовольствіемъ; да и отъѣздъ дядинъ менѣе былъ чувствителенъ племянницѣ и племяннику, которые не преставали поздравлять себя съ столь щастливымъ открытіемъ.

Между тѣмъ, какъ сіе произходило въ Ванъ-Гровѣ, Лордъ Даванпортъ, на возвратномъ пути въ Англію, увѣдомилъ о смерти своей жены Г. Беквара, съ которымъ онъ имѣлъ переписку со дня того произшествія, которое было причиною поединка. Въ числѣ различныхъ печалей, которыя отягчали его, сія, что онъ любилъ безъ надежды, была самая сильнѣйшая. Онъ сдѣлалъ столь точное описаніе всему тому, что онъ претерпѣлъ со времени отъѣзда своего въ Батъ до той самой минуты, въ которую онъ говорилъ съ нимъ, что извлекъ у Беквара вздохи. Сей ободрялъ его излѣчиться отъ такой любви, которая не

могла

могла быть заплачена. Гжа. Ван съ точностію увѣдомляла Лади Клиффордъ о всѣхъ новостяхъ въ уѣздѣ и о томъ щастіи, которое она вкушала, увидѣвши дядю, котораго она уже давно почитала добычею неумолимой смерти. Она не забыла объявить ей о приближеніи брака Миссъ Голдвинъ, и дѣлала ласкательныя похвалы Мидлетону. Таково было Оливіино положеніе; казалось, что ничего недоставало къ ея щастію, кромѣ достовѣрности, что она будетъ наслаждаться имъ безпрерывно.

ГЛАВА 13.

По прошествіи четырехъ дней Г. Гамилтонъ возвратился въ Ванъ-Гровъ, и къ великому изумленію Г. и Гжи. Ванъ представилъ имъ своего сына, которой не иной кто былъ, какъ любви достойный Мидлетонъ. Какъ уже извѣстны были о обстоятельствахъ его рожденія, то Оливія съ нѣжностію обняла его; но сердце ея чувствовало тайную печаль о томъ, что она не могла признать его беззазорно законнымъ сы-

номъ ближайшаго своего родственника. Послѣ обыкновенныхъ въ такомъ случаѣ учтивостей Гамильтонъ возстановилъ спокойствіе въ душѣ ея, говоря ей: „Я подтвердилъ предъ алтаремъ тотъ союзъ, которой я заключилъ тайно съ матерью сего любезнаго сына; вы не должны на него взирать болѣе какъ на Мидлетонова сына, которой никогда не существовалъ, но какъ на Августа Гамильтона, наслѣдника такой фамиліи, которая всегда отличалась въ коммерціи.„ Легко представить себѣ можно, что таковое извѣстіе принято было съ радостію, и отвратило всѣ препятствія Эмиліину браку. Назначили день для церемоніи, которая должна была происходить, какъ скоро Гжа. Гамильтонъ пріѣдетъ въ замокъ. Ожидали ее прежде трехъ недѣль, а между тѣмъ временемъ приготовлялись праздновать сіе бракосочетаніе съ пышностію. Оливія писала къ Леди Клиффордъ о слѣдующихъ подробностяхъ:

Пись-

Письмо отъ Гжи. Ванъ къ Лади Клиффордъ.

„Не неизвѣстно вамъ, что происходило въ Ванъ-Гровѣ съ того времени, какъ я съ вами разсталась. Вотъ, любезная моя Элиза, что дядя мой сдѣлалъ для меня. Желая изъявить мнѣ свою любовь, принудилъ онъ меня принять десять тысячь фунтовъ стерлинговъ, не смотря на мои усилія, чтобъ онъ расположилъ сію сумму для другихъ, кои имѣютъ въ ней большую нужду, нежели я. Августъ и Эмилія получатъ такой же подарокъ въ день ихъ бракосочетанія; да и Г. и Гжа. Голдвинъ увидѣли опыты его благодарности за попеченія, которыя они прилагали о его племянницѣ. Ахъ, любезная моя Элиза! сколько сердце мое довольно, когда я помышляю, что отецъ бѣдной Оливіи, вступая въ свойство съ симъ достойнымъ опекуномъ, доставитъ своей дочери такое имѣніе, котораго умѣренность его не осмѣлилась бы требовать! Ежели бы я имѣла силу изливать благодѣянія, то вся фамилія честнаго Голдвина возчувствовала бы мою признательность.

Пове-

Поведеніе Эмиліино заслуживаетъ величайшія похвалы; каждой поздравлялъ ее съ будущимъ ея щастіемъ. Августъ не менѣе достоинъ похвалъ. Отецъ его имѣетъ къ нему любовь, которая изображается въ его взглядахъ. Для чего мы не вмѣстѣ! вы раздѣлили бы радость вашей пріятельницы. Сколь Провидѣніе велико въ тайныхъ своихъ судахъ! Оливія, которая, мѣсяцъ назадъ, имѣла одного супруга единымъ своимъ покровителемъ, видитъ себя нынѣ окруженною ближними родственниками. Пріѣзжай, дражайшая моя, любви достойная моя Элиза! пріѣзжай раздѣлить щастіе твоей

Оливіи Ванъ.„

Блистательная надежда, которою питалась добродѣтельная Оливія, вдругъ помрачена была ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ приключеній, какого она еще не испытала. Во ожиданіи, когда Голдвинова фамилія и Гжа. Гамилтонъ пріѣдутъ въ замокъ, Г. Ванъ съ нѣкоторыми сосѣдственными дворянами забавлялся охотою и катаніемъ на конь-

конькахъ по бассейнамъ въ звѣринцѣ. Какъ ледъ не былъ еще довольно крѣпокъ въ тѣхъ мѣстахъ, то Ванъ повелъ ихъ на прудъ, гдѣ къ нещастію пропалъ изъ виду друзей его. Чтобъ хорошо описать сію сцену, то отнесемся мы къ письмамъ, которыя говорятъ о семъ произшествіи.

Письмо Миссъ Эмиліи Голдпинъ къ своему отцу.

„Пріѣзжайте поскорѣе, дражайшій мой родитель, и разгоните вашимъ присутствіемъ страхи бѣдной Гжи. Ванъ. Мы находимся въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ; уже три часа безполезно стараемся мы получить извѣстіе о Г. Ванѣ, съ которымъ безъ сомнѣнія случилось ужаснѣйшее нещастіе. Все то, что мы могли узнать, состоитъ въ томъ, что онъ былъ въ четыре часа на конькахъ на прудѣ, въ милѣ разстояніемъ отъ замка. Сдѣлайте милость, пріѣзжайте утѣшить дочь вашу и неутѣшную Гжу. Ванъ.„

Пись-

Письмо отъ почтеннаго Вилліама Голдпина къ Сиру Роберту Клиффорду.

„Съ величайшею печалію увѣдомляю я Сира Роберта, что друга его Г. Вана нѣтъ болѣе. — Пріѣзжайте съ Лади Клиффордъ къ нещастной вдовѣ его, которая имѣетъ нужду въ вашей помощи. Она въ такомъ состояніи, что опасно, дабы она не послѣдовала вскорѣ за своимъ супругомъ во гробъ. Вотъ особенныя обстоятельства сего ужаснаго приключенія, которое тотчасъ наполнило Вановъ замокъ жалостными воплями и стенаніями. Какъ оба Гамильтоны уѣхали вчера поутру, чтобъ взять Гжу. Гамильтонъ и привезти ее сюда: то Г. Ванъ пошелъ въ покой своей жены увѣдомить ее, что онъ пойдетъ кататься на конькахъ по льду сосѣдственнаго къ звѣринцу пруда, и что онъ возвратится къ обѣду. Какъ уже пробило четыре часа, а онъ не бывалъ: то Гжа. Ванъ приказала подавать кушанье и не безпокоилась объ отсутствіи ея мужа, зная, что онъ любилъ сію забаву. Между тѣмъ, какъ она сидѣла за столомъ съ моею дочерью, увѣдомили служителей, что плачевное про-

произшествіе встревожило все село, что одинъ дворянинъ утонулъ и что не знали еще, кому сіе нещастіе приключилось. Они скоро узнали, что сіе случилось съ ихъ господиномъ. Увѣдали, минуту спустя, что въ присутствіи великаго числа его друзей и крестьянъ нещастный Ванъ пропалъ и что не могли подать ему скорой помощи, чтобъ спасти его.„

„Какъ скоро дочь моя увѣдомила меня о семъ нещастіи, то я послалъ просить Г. и Гжу. Букваръ пріѣхать къ Оливіи, которой безпокойство начинало ее тревожить. Она многократно спрашивала о своемъ мужѣ, и видя печаль служителей, взяла подозрѣніе, что тутъ должно быть тайнѣ. Она побѣжала въ звѣринецъ, но ей противились въ томъ, и тогда-то узнала она то, что старались скрывать отъ ней. Я пріѣхалъ въ четыре часа поутру, нашелъ угрюмое молчаніе, которое возвѣстило бы мнѣ само по себѣ о какомъ нибудь печальномъ произшествіи, естьли бы дочь моя не увѣдомила уже меня о томъ. Вы не можете представить положенія Гжи. Ванъ:

лиши-

лишившись разума, находилась она въ томъ состоянiи нечувствительности, которое заставляетъ страшиться плачевнѣйшихъ слѣдствiй. Дядя ея возвратится нынѣшнiй день. Какое будетъ изумленiе его и наша печаль, когда Оливiя получитъ употребленiе своихъ чувствъ! Я страшусь и желаю сей жестокой минуты; но я чувствую себя неспособнымъ преподать ей тѣ утѣшенiя, которыхъ она имѣетъ право ожидать отъ друга и отъ служителя алтарей.„

Сиръ Робертъ полетѣлъ бы къ вдовѣ нещастнаго своего друга, есть-ли бы время родовъ жены его и рожденiе сына не принудили его подождать нѣсколько минутъ. Онъ увѣрилъ добраго Голдвина, что какъ Лади Клиффордъ, такъ и онъ самъ не промедлятъ ни одной минуты, какъ скоро въ состоянiи будутъ отправиться въ путь безъ опасности. Во ожиданiи же сего, они написали къ Оливiи письмо, наполненное выраженiями, ободряющими ее сносить съ великодушiемъ таковую потерю; однако Оливiя не въ силахъ была прочитать оное, пото-

потому что она находилась еще тогда внѣ себя. Страшной ударъ, которой лишилъ ее чувствъ, былъ послѣдуемъ горячкою. По прошествіи трехъ недѣль всѣ уже отчаялись о ея жизни; и не прежде стали надѣяться о ея выздоровленіи, какъ когда натура дала свободное теченіе слезамъ ея.

Г. Бекваръ, соблюдающій свои обѣщанія, увѣдомилъ Лорда Даванпорта о томъ приключеніи, которое похитило у прекрасной Оливіи супруга; онъ не могъ повѣрить тому, о чемъ Бекваръ извѣщалъ его. Вдругъ блескъ надежды освободилъ его отъ бремени, которое онъ чувствовалъ на своемъ сердцѣ, и уже любовь живо представляла ему будущее время, но вскорѣ потомъ разумъ противопоставлялъ ему непреодолимыя препятствія. Будучи съ нѣкотораго времени знакомъ съ Сиромъ Робертомъ и Лади Клиффордъ, побѣжалъ онъ къ ней, и спрашивалъ ее о томъ извѣстіи, которое онъ недавно услышалъ. Хотя онъ сожалѣлъ о жестокой кончинѣ своего соперника, на котораго онъ взиралъ тогда уже глазами дружества; но не могъ удержаться, чтобъ не говорить объ Оли-

віи въ такихъ выраженіяхъ, которыя обнаружили тайнѣйшія его мысли. Въ отвѣтѣ своемъ въ Беквару далъ онъ волю усилію своей страсти, которая не преставала господствовать надъ нимъ. Ежели бы онъ осмѣлился послѣдовать движеніямъ своей души, то поѣхалъ бы къ сему вѣрному другу, чтобъ имѣть способность слушать извѣстія о дражайшей своей Оливіи.

Однакожъ попеченія Г. и Гжи. Гамилтонъ, Эмиліи, Августа Гамилтона и другихъ Оливіиныхъ друзей нечувствительно возстановили спокойствіе въ уязвленномъ ея сердцѣ, и заставили ее терпѣливо сносить ея потерю. Печаль и болѣзнь произвели то, что ее не узнавали. Наконецъ достигли до того, что она безъ движенія слышала произносимое имя ея супруга, и сама имѣла довольно силъ, по прошествіи трехъ мѣсяцовъ вдовства ея, написать къ Лади Клиффордъ слѣдующія строки:

Письмо отъ Гжи. Ванъ къ Лади Клиффордъ.

„Я повинуюсь дружеству; но, увы! о чемъ я могу разговаривать съ вами? Не

Не была ли я съ самаго моего юнаго возраста усыновленнымъ печали младенцемъ? Я осуждена быть таковою до той минуты, когда я сойду въ мрачное жилище, въ которомъ почиваетъ супругъ мой. Для чего не могла я продолжить его жизни пожертвованіемъ своей? — Что я говорю? это есть обольстительное желаніе; покоримся лучше предопредѣленіямъ Неба. — Вы требуете отъ меня извѣстія о моемъ здоровьѣ. Я нахожусь въ лучшемъ состояніи, моя Элиза. — Но гдѣ нынѣ тѣ пріятности, которыя, говорятъ, сопровождаютъ сіе благодѣяніе? Тѣло мое не страждетъ болѣе, но духъ мой не вкушаетъ отъ того пріятнѣйшаго успокоенія. Касается ли сіе до смертныхъ, чтобъ жаловаться на потерю щастія, которое похищено у нихъ въ ту самую минуту, когда думали они, что будутъ владѣть имъ вѣчно? Какъ мы несмысленны! мы не знаемъ, что мы сотворены для того, чтобъ терпѣть.,,

,,Ахъ, моя Элиза! сколько наши мнѣнія зависятъ отъ обстоятельствъ! Было время, когда я взирала на сіе

 уеди-

уединеніе, какъ на мѣсто ссылки; но нынѣ, ежели бы Небо сохранило для меня моего супруга, казалось бы оно мнѣ земнымъ раемъ. Будучи одна, преданная безполезнымъ сѣтованіямъ, пробѣгаю я звѣринецъ мой и садъ, и не обрѣтаю тамъ болѣе того предмета, котораго искала. Вся природа кажется глазамъ нещастной вашей пріятельницы одѣтою въ трауръ, музыка не имѣетъ больше прелестей, и общество содѣлалось для ней бременемъ. Приближеніе весны не вдыхаетъ болѣе радости въ сіе сердце, уязвленною печалію. Тотъ, кто раздѣлялъ ея восторги, похищенъ у ней навсегда. . . . Навсегда! . . . . Скажите мнѣ, Лади Клиффордъ, для чего Небо избрало меня предметомъ, на которой оно мещетъ всѣ острыя стрѣлы нещастія? Сказанное Солономъ Крезу исполняется на мнѣ; да, на вашей нещастной Оливіи, которая никогда не престанетъ любить васъ. . . . Свершилось, я не буду болѣе скучать другимъ моими жалобами; къ Всемогущему возсылаю мои моленія; предъ лицемъ Предвѣчнаго клянусь никогда не забывать любовника, великодушнаго су-

супруга, которой извлекъ меня изъ мрачности. Вся жизнь моя посвящена будетъ на оплакиванiе потери лучшаго изъ людей, котораго нѣжныя о мнѣ попеченiя разпространились и по смерти его. Онъ занимался надѣленiемъ меня богатствомъ, когда онъ самъ былъ въ нѣдрѣ вѣчнаго спокойствiя, подъ кровомъ человѣческихъ бѣдствiй.„

„Лади Клиффордъ! я не могу продолжать писать къ вамъ, не произнесши новыхъ жалобъ. Ахъ, дражайшая моя Элиза! сколь достойна сожалѣнiя ваша Оливiя!„

Какъ хорошая погода позволила Лади Клиффордъ ѣхать въ Ванъ-Гровъ, то она увѣдомила о своемъ намѣренiи одну госпожу, которая говорила о томъ въ присутствiи Лорда Даванпорта. Тотчасъ требуетъ онъ видѣться съ Лади Клиффордъ, чтобъ сообщить ей намѣренiе, которое онъ имѣетъ со времени Вановой смерти, предстать предъ вдову его и получить отъ ней позволенiе представить ей свои услуги. Въ настоящемъ обстоятельствѣ, говорила ему Лади Клиффордъ, вы отваживаетесь сдѣлать себя ненавистнымъ. Подождите, чтобъ время и

 на-

навыкъ затворили рану Оливiина сердца, и надѣйтесь, что я не опущу случая говорить о васъ, когда я въ состоянiи буду учинить сiе съ благоразумiемъ. Не смотря на сей совѣтъ, внушаемый здравымъ разсудкомъ, и слушаясь только своей нетерпѣливости, Лордъ Даванпортъ отписалъ Бекварy, чтобъ приготовилъ ему у себя комнату, твердое положивши намѣренiе не медлить болѣе отъѣздомъ своимъ въ Ванъ-Гровъ.

ГЛАВА 14.

Какъ скоро наступилъ четвертой мѣсяцъ Оливiина вдовствованiя, то вспомнила она, что Эмилiя не соединена еще съ Гамилтономъ. Великая печаль, такъ какъ и радостное произшествiе, часто производятъ нераденiе о щастiи другаго. Стыдясь ячества, которое она въ другое время охуждала, просила Г. Голдвина не медлить болѣе бракосочетанiемъ его дочери. Любви достойная Эмилiя, не хотя оставить Оливiю въ прискорбномъ ея состоянiи, въ каковомъ она еще видѣла ее, сначала отреклась

дать свою руку тому, которой давно уже владѣлъ ея сердцемъ. Г. Гамильтонъ обѣщалъ оставить ее въ Ванъ-Гровѣ до прибытія Сира Роберта и жены его, и она согласилась наконецъ увѣнчать его постоянство. Г. Голдвинъ обвѣнчалъ ихъ, и щастливая чета оставила замокъ, какъ скоро Лади Клиффордъ и супругъ ея пріѣхали въ оной для утѣшенія прекрасной Вановой вдовы. Печали ея возобновились при видѣ друзей своихъ; воспоминаніе о тысячѣ малѣйшихъ пріятныхъ обстоятельствъ, которыя она раздѣляла съ Г. Ваномъ въ ихъ обществѣ, столь сильно поразило воображеніе ея, что она не могла взглянуть на нихъ, не проливши источника слезъ. Сынъ Лади Клиффордъ, котораго велѣла она принести въ залу, сдѣлалъ пріятное впечатлѣніе надъ Оливіиным сердцемъ и споспѣшествовалъ къ разогнанію тоски ея. Оставимъ ихъ разговаривать между собою, а посмотримъ на то, что происходило въ то же время въ сосѣдствѣ замка.

Между тѣмъ, какъ фамилія Сира Роберта ѣхала къ Оливіи, влюбленный Лордъ Даванпортъ направлялъ путь къ до-

дому Г. Беквара. Намѣренiе его было ожидать тамъ, когда онъ можетъ съ благопристойностiю предстать предъ Гжу. Вамъ, къ которой влекла его склонность его, безъ всякой другой церемонiи, кромѣ той, которую почиталъ онъ за необходимость соблюсти въ началѣ вдовства. Однакожъ онъ долженъ былъ умѣрить свои желанiя, опасаясь, чтобъ не оскорбить Г. Беквара, которой не хотѣлъ подвергнуть себя выговорамъ, ежели бы Лордъ Даванпортъ не былъ принятъ Оливiею, не получивши отъ нее напередъ позволенiя. Находясь въ нетерпѣливости видѣть ее, наблюдалъ всѣ шаги ея, и былъ увѣдомляемъ Сиромъ Робертомъ, когда она соглашалась прогуливаться въ звѣринцѣ съ Лади Клиффордъ. Согласившись съ Сиромъ Робертомъ, отважилась она однимъ днемъ произнести Даванпортово имя предъ Оливiею, которая покраснѣла и наблюдала молчанiе. „Я удивляюсь, продолжала Лади Клиффордъ, что вы никогда не спрашивали насъ о такомъ человѣкѣ, котораго нещастное положенiе имѣло право на ваше сожалѣнiе. — Не обвиняйте въ томъ моего

без-

безпристрастія; собственныя мои горести заставили меня забыть горести другаго. — Мужъ мой и я часто имѣли удовольствіе видѣть Даванпорта, которой, кажется, весьма любитъ дочь свою, названную имъ Оливіею. — Вы увѣдомляете меня о томъ въ другой разъ; не будемъ о томъ болѣе говорить.„ Изъ молчанія и скромнаго виду Гжи. Ванъ заключила Лади Клиффордъ, что продолженіе разговора о сей матеріи не понравилось бы ея пріятельницѣ; почему и начала она говорить съ нею о другихъ вещахъ. Но Оливія не менѣе безпокоилась объ усердіи, съ каковымъ Лади Клиффордъ говорила ей о Даванпортѣ.

Ѣзда на лошади и другія увеселенія, которыя изобрѣтала Лади Клиффордъ для разбитія Оливіиной задумчивости, такъ оправили ее, что въ нѣсколько дней здоровой румянецъ началъ одушевлять черты ея. Въ ту минуту, когда, казалось, и спокойствіе снова хотѣло возродиться въ душѣ ея, Г. Бэкваръ пришелъ просить у ней, со стороны Лорда Даванпорта, позволенія ему сдѣлать ей посѣщеніе. Не смотря на Оливіины стара-

ранія сокрыть колебавшее ее смущеніе, Бекварь то примѣтилъ, и досадовалъ, что онъ согласился на такой поступокъ, которой не понравился Гжѣ. Ванъ. Однакожъ она, не хотя чрезъ отказъ увеличить подозрѣній о истинныхъ чувствованіяхъ своего сердца, говорила ему дрожащимъ голосомъ, что она не видитъ нужды въ таковомъ посѣщеніи; но что не имѣя никакой причины отказаться отъ той чести, которую хотѣлъ ей оказать Милордъ, приметъ его въ назначенной ею часъ, которой былъ послѣ обѣда. Лордъ Даванпортъ ожидалъ сей минуты съ нетерпѣливостію; да и упредилъ ее, будучи сопровождаемъ другомъ своимъ Бекваромъ.

Не можно описать смущеннаго Оливіина и Даванпортова вида; онъ приближился къ ней, опасаясь слишкомъ обнаружить радость, которую онъ чувствовалъ, имѣя способное время говорить ей о любви своей. Сдѣлавши ей привѣтствіе въ непонятныхъ словахъ, обратился онъ къ Лади Клиффордъ, не ожидая Оливіина отвѣта, которая сама не знала, что ему говорила. Разговоръ содѣлался общимъ; но

Оливія наблюдала скромной тонъ, которой умножалъ смятеніе въ Даванпортѣ. Сражаясь между желаніемъ принять не столь суровой видъ и страхомъ поострить его къ другимъ посѣщеніямъ, которыхъ она старалась избѣгать, наблюдала молчаніе, и весьма недовольна была принужденіемъ, которое она увидѣла въ другихъ, и холодностію, которую примѣтила въ ихъ разговорахъ. Наконецъ Лордъ Даванпортъ вышелъ, весьма мало доволенъ будучи своимъ пріемомъ, которой онъ приписывалъ совершеннѣйшему безпристрастію.

Желая удостовѣриться, основательны ли его сомнѣнія, пришелъ на другой день къ прекрасной вдовѣ, которая приняла его не съ столь суровымъ видомъ; онъ самъ почувствовалъ себя нѣсколько болѣе ободреннымъ. Не взоры Оливіины могли произвести сію щастливую перемѣну: она имѣла объ немъ попеченіе, котораго требуетъ общество, и ни мало не безпокоилась о чувствахъ, которыя онъ вдыхалъ въ нее. Однакожъ она не скучала, что онъ повторялъ свои посѣщенія; ибо она обѣщалась сохранить вѣрность къ

пра-

праху своего супруга, и сіе обѣщаніе предохраняло ее отъ всякаго другаго обязательства. Часто находила она удовольствіе въ слушаніи повѣствованія, которое дѣлалъ ей Даванпортъ о тѣхъ нещастіяхъ, которыя заставляла его претерпѣвать любовь; но веселость лица ея не производила въ немъ никакой надежды, чтобъ принимали въ немъ участіе, или чтобъ сожалѣли о его отсутствіи. Достовѣрность, что онъ не вдохнулъ другихъ чувствованій, кромѣ почтенія, воспрепятствовала ему говорить другимъ языкомъ и дать знать о той надеждѣ, которою онъ питался, что онъ содѣлаетъ ее чувствительною къ любви своей.

Спустя шесть недѣль послѣ того, какъ сіе свиданіе произходило, Сиръ Робертъ и жена его возвратились въ Лондонъ, а Гамилтоны пріѣхали къ Оливіи. Она изумилась, что Лордъ Даванпортъ не послѣдовалъ за друзьями своими въ столицу, и начала бояться, не имѣлъ ли онъ какихъ проэктовъ, не соглашающихся съ тѣмъ планомъ, которой онъ сообщилъ ей для будущаго своего поведенія. Рѣшив-

шившись не поощрять его къ онымъ лишнимъ снизхожденіемъ, убѣгала взоровъ его, и запретила ему часто ходить въ ея общество. Это значило нанести новые удары ранамъ, которыя она открыла въ сердцѣ нещастнаго Лорда Даванпорта. Не въ состояніи будучи сносить долѣе нещастій, которыя онъ терпѣлъ, рѣшился не опускать первой способной минуты, дабы изъяснить ей силу своей страсти, и принудить ее наконецъ или нанести смертельный ударъ, или сдѣлать его щастливѣйшимъ изъ людей. Занятъ будучи своимъ предначинаніемъ, идетъ къ Гжѣ. Ванъ, требуетъ ее видѣть; отвѣтствуютъ ему, что она въ саду и что Г. и Гжа. Гамилтонъ находятся въ гостяхъ въ сосѣдственномъ замкѣ. Онъ бѣжитъ по стопамъ той, которую обожаетъ; находитъ ее въ лѣску, сидящую на дерновой лавкѣ. Мѣсто, положеніе, все припамятываетъ ему тѣ щастливыя минуты, которыя онъ проводилъ иногда съ нею въ лѣску, благопріятствовавшемъ любви его. „Ахъ! говорилъ онъ: не прогнѣвайтесь, естьли я осмѣливаюсь нарушить ваше уединеніе; но про-

простите любовнику, которой не может жить безъ васъ." Изумленная и смущенная Оливія встаетъ; Даванпортъ удерживаетъ ее; она угрожаетъ ему своею ненавистію, естьли онъ когда нибудь говорить будетъ такимъ образомъ. Онъ уступаетъ, а она съ скоростію оставляетъ его, чтобъ уйти въ свою спальню, оплакивать тотъ законъ, которой она на него наложила. Опершись на окно въ своей комнатѣ, которая была въ звѣринцѣ, увидѣла Даванпорта, которой садился на свою лошадь, и съ печалію возвращался отъ нее къ Г. Беквару.

Блѣдность лица его и отчаяніе, которое видимо было во всѣхъ его движеніяхъ, возбудили въ сердцѣ Оливіиномъ чувствованіе, которое заставило ее воздыхать.

Какъ не быть тронутой столь рѣдкимъ постоянствомъ? Она сражалась сама съ собою, и даже разкаявалась, что не выслушала его; но когда на другой день узнала она отъ Г. Беквара, что Лордъ Даванпортъ былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ, то сіе столь чувствительно ее тронуло, что она не могла удержаться, чтобъ

не

не просить родственника своего Г. Гамилтона, итти къ нему поскорѣе и предложить свои услуги. Уже любви достойная Эмилія примѣтила, по возвращеніи своемъ изъ гостей, что Гжа. Ванъ не была спокойна. Она сообщила подозрѣнія свои мужу своему. Узнавши, что Даванпортъ имѣлъ съ нею разговоръ, не сомнѣвались болѣе, чтобъ припадокъ Милордовъ не былъ слѣдствіемъ сильной досады. Гамилтонъ побѣжалъ къ Милорду, а Гжа. Ванъ, безпокоясь о полученіи объ немъ извѣстій, тайно посылала каждую минуту навѣдываться о состояніи его здоровья. Наконецъ, не могши болѣе противиться нетерпѣливости, чтобъ лучше узнать о томъ отъ самаго Г. Беквара, приказала попросить его притти къ ней и увѣдомить ее о его болѣзни. „Время, а не искусство Лѣкарское, отвѣчалъ онъ ей, можетъ излѣчить Милорда.„

Оливія, ободрена будучи Г. Бекваромъ, и не страшась болѣе печальныхъ слѣдствій отъ болѣзни, которую она не почитала опасною, возприняла обыкновенную свою веселость. Однакожъ образъ Даванпортовъ, безпре-

стан-

станно представляющійся уму ея; не оставилъ болѣе сомнѣнія, чтобъ она была къ нему столь безпристрастна, какъ она о томъ воображала. Она припоминала тогда объ обольстительной сценѣ въ лѣску и о той перемѣнѣ, которую сей страстной любовникъ произвелъ въ ея сердцѣ. Иногда сожалѣла она объ немъ, а всегда оканчивала тѣмъ, что сердилась на собственную свою слабость.

Къ содѣланію Оливіи чувствительнѣйшею къ нещастіямъ, которыя она заставляла сносить вѣрнаго своего любовника, вспомоществовало еще сновидѣніе. Толико-то истинно, что суевѣріе весьма часто благопріятствовало любви! Она видѣла себя въ саду, въ которомъ приближающаяся зима лишила деревья зеленаго ихъ убора. Сіе наводящее скуку зрѣлище, сходственное съ печальнымъ положеніемъ души ея, понравилось ей, для того что она видѣла тамъ, что произведенія земли подвержены были, какъ и она, перемѣнамъ времени и жестокости его тиранническай власти. Возведши глаза къ небу, увидѣла она человѣка исполинскаго росту, которой приближался къ

ней

ней большими шагами. Вид его был угрюмой, одеяніе бедное и в лоскутьях; он бросился к ногам ея, говоря ей: „Я есмь Неудовольствіе; ты питала меня долгое время в своем недре, теперь приму я тебя в свое. С той минуты, когда ты отказалась от ненавистнаго моего соперника Даванпорта, я сделалося твоим рабом. — Как ты можешь надеяться, чтоб я могла тебя любить?„ вскричала испужанная и дрожащая Оливія, убегая от него в цветущее поле. Чудовище гналось за ней; она направила бег свой к одному холму, у котораго принуждена была остановиться, по причине ужаснаго утеса, положеніе свое имеющаго на морском берегу. Терпящій кораблекрушеніе корабль разбивался о камни, и находящіеся на нем просили помощи. Оливія с своей стороны, видя пугалище, готовое схватить ее, призывала на помощь корабельных служителей. Даванпорт взлез на каменную гору, и спас ее от рук ея похитителя. Тогда показалась тень Ванова, которая улыбалась, глядя на двух лю-

бовниковѣ, и дѣлала имъ знакъ подтвержденія. Все явленіе изчезло. Оливія пробудилась; но худыя вѣсти, полученныя ею о Милордовомъ здоровьѣ, умножили ея безпокойство. Угнѣтающая печаль сокращала жизнь его; воспоминаніе о томъ законѣ, которой наложила на него Оливія въ послѣднее съ нимъ свиданіе, лишило его надежды, и онъ не осмѣливался даже пойти въ замокъ, опасаясь докончить свое нещастіе. Тщетно старались разогнать тоску его присутствіемъ его дочери, за которою предлагалъ ему Г. Бекваръ послать въ Лондонъ; тщетно описывали ему веселыми красками щастливѣйшее будущее время; ничто не могло тронуть его дотолѣ, пока сама Оливія не произнесла рѣшенія о его участи. Но чего не могли произвести увѣренія, постоянство и нѣжнѣйшія попеченія, было дѣйствіе ужаснаго приключенія.

ГЛАВА 15.

Одинъ служитель не загасилъ свѣчи въ людской избѣ, находившейся подъ комнатою Гжи. Ванъ. Отъ сего нерадѣнія сдѣлался пожаръ, которой обнялъ уже боковое строеніе въ замкѣ, прежде нежели Оливія пробудилась. Все пришло въ замѣшательство; каждой бѣжалъ, но никто не помышлялъ о спасеніи прекрасной Оливіи, которая послужила бы добычею пламени, естьлибъ Даванпортъ не прилетѣлъ къ ней на помощь. Будучи боленъ и едва въ состояніи держаться на ногахъ, какъ скоро узналъ, гдѣ былъ огонь, то презрилъ окружавшую его смерть, чтобъ дойти до спальни Гжи. Ванъ. Онъ нашелъ ее сидящею на краю кровати и почти задушенною дымомъ; онъ схватываетъ ее въ свои объятія, перебѣгаетъ коридоръ, несетъ ее въ безопасное мѣсто, въ которомъ пробыла она три часа безъ чувствъ. Между тѣмъ временемъ Г. и Гжа. Гамилтонъ, Бекваръ, жена его и служители прибѣжали и подали всевозможную помощь своей госпожѣ, которая ничего не претерпѣла отъ огня, кромѣ страху, обыкновенно слу-

чающагося при таковомЪ приключенiи. Но не то происходило сЪ МилордомЪ; онЪ тяжко переранилЪ руки и ноги, и боль сдѣлалась столь сильна, что онЪ принужденЪ былЪ оставить Оливiю, прежде нежели пришла она вЪ чувство. ОнЪ возвратился домой, весьма доволенЪ будучи, что подвергалЪ опасности жизнь свою для соблюденiя жизни обожаемаго предмета.

Сколь прiятны были тѣ чувствованiя, которыя испытала Гжа. ВанЪ, узнавши, что она одолжена соблюденiемЪ своимЪ великодушному Даванпорту! Слезы ея измѣнили ея сердцу; она просила друзей своихЪ сходить кЪ Милорду и изЪявить ему благодарность ея за такую услугу, о которой воспоминанiя, говорила она, ничто не изгладитЪ, и увѣрить его о нетерпѣливости ея самолично оказать ему свою признательность. Извѣстившись о пожарѣ, случившемся вЪ ВанЪ-Гровѣ, Г. ГолдвинЪ прiѣхалЪ туда, такЪ какЪ и дядя и тетка Оливiины. Честный священникЪ самЪ хотѣлЪ свидѣтельствовать благодарность отЪ своей

пи-

питомицы, и избралъ сей случай для того, чтобъ обнять Даванпорта, котораго не видалъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ домъ его. Присутствіе друга, любезнаго и почтеннаго учителя, коммисія, которая была возложена на него со стороны Оливіи, и нѣжныя объятія сдѣлали толь пріятное впечатлѣніе надъ Даванпортомъ, что онъ забылъ въ сію минуту всѣ свои нещастія. Онъ просилъ Голдвина употребить свое краснорѣчіе, чтобъ склонить Оливію выслушать его безъ отвращенія; но онъ не имѣлъ нужды просить, чтобъ обязать Голдвина оказать ему услугу. Всѣ друзья Гжи. Ванъ желали, такъ какъ и Голдвинъ, чтобъ бракъ увѣнчалъ желанія нѣжнаго сего любовника; они почитали тогда, что отказъ со стороны Оливіиной не будетъ болѣе добродѣтелію, но упорствомъ, котораго никакой долгъ извинить не можетъ.

Подъ столь щастливыми предзнаменованіями Лордъ Даванпортъ пришелъ въ замокъ, какъ скоро въ состояніи былъ выходить. Доложили о немъ,

когда Оливія играла въ вистъ; онъ вошелъ въ залу, опираясь о плечо Г. Беквара. Поврежденіе лица его, причиненное ранами его и лихорадкою, видимымъ образомъ тронуло Оливію, которая не могла видѣть его въ семъ состояніи безъ того, чтобъ не притти о немъ въ сожалѣніе. Взоры ея говорили ему: „Для меня, для спасенія меня отъ пламени претерпѣли вы всѣ сіи нещастія.„ Она разговаривала съ нимъ, и всѣ слова ея были съ чувствомъ. Никогда Даванпортъ не ощущалъ равномѣрнаго сему удовольствія, какое онъ чувствовалъ, видя ее столь къ нему благорасположенною. Друзья его также то примѣтили, и какъ скоро напились чаю, то подъ разными предлогами вышли и оставили двухъ любящихся вмѣстѣ. Сначала наблюдали они глубокое молчаніе, по томъ бросали вскользь другъ на друга взгляды и вздыхали. Даванпортъ началъ говорить, Оливія прерывала его вопросами, которыхъ не доканчивала. Однакожъ наконецъ отважился онъ спросить ее: „Не уже ли вы навсегда рѣшились лишать меня всякой надежды?

Еже-

Ежели вы не перемѣните жестокой вашей рѣшимости, то я долженъ приготовиться умереть. — Не дѣлайте мнѣ нещастныхъ описаній. Ахъ! повѣрите ли вы, чтобъ я могла смотрѣть безъ содроганія на погибель моего избавителя? Благодарность моя.. — Что! вы не имѣете другаго чувствованія къ человѣку, котораго вы столь долгое время мучите? Неблагодарная! я примѣтилъ отвращеніе, которое вы имѣете... — Отвращеніе! какая причина побуждаетъ думать васъ, что я имѣю къ вамъ отвращеніе? — Тысяча различныхъ причинъ. Не отнимали ли вы у меня всей надежды? Не видали ли вы также меня стенящаго у ногъ вашихъ? По безпристрастію вашему судите вы о моихъ мученіяхъ съ холодностію; но я люблю.... — И я; я чувствую, что сохраненіе васъ нужно для моего щастія. — Оливія! у ногъ твоихъ прошу повторить мнѣ то, чему я едва осмѣливаюсь вѣрить. Разгони мои безпокойства.... — Умѣрьте себя; да, тотъ голосъ, которой въ первой разъ научилъ меня слушать пріятные тоны любви, для ме-

меня прелестенъ. Но слушайте. . . — Нѣтъ, нѣтъ, душа моя преисполнена своимъ щастіемъ. . . . — Выслушайте, за какую цѣну соглашаюсь я на ваши желанія. Я обѣщаюсь вамъ никогда не имѣть другаго супруга, кромѣ васъ. Не просите меня о скоромъ исполненіи моего обѣщанія; это не прежде воспослѣдуетъ, какъ когда я въ состояніи буду преодолѣть тѣ причины, которыя обязываютъ меня отсрочить наше соединеніе. Я нашла въ Г. Ванѣ нѣжнаго любовника, искренняго друга, мужа. . . Ахъ, Милордъ! не осуждайте моей чувствительности. . . Сіи слезы увѣряютъ васъ, что онъ былъ лучшій супругъ.,,

Щастливый Даванпортъ, весьма удаленъ будучи отъ того, чтобъ ревновать къ дани, приносимой Оливіею тѣни соперника, самъ проливалъ слезы при воспоминаніи такого человѣка, которой былъ его другомъ. Онъ повторялъ свои клятвы, что онъ согласится на все то, что Оливія предпишетъ ему, дабы получить ея руку, и радость блистала еще въ глазахъ его,

какъ

какъ дядя Оливіинъ возвратился въ залу. „Что это! у ногъ ея! вскричалъ онъ: такъ-то питаютъ тщеславіе сего гордаго пола! Пойдемъ, пойдемъ, Милордъ! держи, вотъ ея рука, я имѣю власть располагать ею.„ Но скоро онъ узналъ, что онъ не имѣлъ нужды употреблять власти, и что двое любовниковъ уже соединены были своими чувствованіями. Вся компанія увѣдомилась о щастливой перемѣнѣ въ Даванпортовомъ положеніи; онъ извѣстилъ о томъ свою мать, которая пріѣхала съ Оливіею, своею внучкою, въ Вановъ замокъ, въ которомъ разкаявалась она, что не имѣла ранѣе невѣстки, подобной въ достоинствѣ Гжѣ. Ванъ. Сія послѣдняя объявила о своемъ намѣреніи Сиру Роберту и Лади Клиффордъ, и звала ихъ на свою свадьбу, когда придетъ время, что не прежде воспослѣдуетъ, какъ по истеченіи осьмнатцати мѣсяцовъ вдовства ея.

ГЛАВА 16.

Не смотря на желаніе Оливіино, чтобъ бракъ свой праздноватъ безъ

пышности, не могла она возпрепятствовать Милорду, чтобЪ не увѣдомилЪ онЪ о томЪ многихЪ провинціяльныхЪ ДворянЪ. ВЪ назначенный для церемоніи день Ляди ДаванпортЪ, СирЪ РобертЪ и Ляди КлиффордЪ, Г. и Гжа. ГолдвинЪ, Г. и Гжа. ГамилтонЪ, АвгустЪ сынЪ ихЪ и Эмилія жена его, Г. и Гжа. БекварЪ собрались вЪ залу и проводили Оливію и ея будущаго супруга кЪ алтарю. Г. ГолдвинЪ снова благословилЪ сіе второе супружество, и соединилЪ питомицу свою сЪ любимымЪ своимЪ питомцомЪ. ГименЪ возжегЪ свой факелЪ вЪ присутствіи любви и дружества, и разсыпалЪ неувядаемые цвѣты на двухЪ супруговЪ, принесшихЪ кЪ ногамЪ его чистое и добродѣтельное сердце. Скромная Оливія бросала спокойные взоры на щастливаго Даванпорта, а онЪ своими взорами обнаруживалЪ то возхищеніе, которымЪ душа его была исполнена. По возвращеніи своемЪ изЪ церкви далЪ онЪ волю своей радости, и сЪ нѣжностію заключивши жену свою вЪ свои объятія: „Сей щастливый день, вскричалЪ онЪ, да пребудетЪ всегда присутственЪ вЪ мо-

моемъ сердцѣ! Могу ли я прожить столь долгое время, чтобъ увѣрить сей ангельской предметъ, сколько щастіе его для меня драгоцѣнно?„ Ванъ-Гровъ сдѣлался съ сего времени убѣжищемъ щастія, спокойствія и радости. Добродѣтели Оливіины ручались ей въ постоянствѣ ея мужа, и ихъ взаимная нѣжность вознаградила ихъ за всѣ мученія, которыя любовь заставила ихъ претерпѣвать.

Лади Даванпортъ, не могши болѣе жить въ удаленіи отъ своей невѣстки, утвердила при ней свое пребываніе. Будучи любима въ своей старости, привлекала къ себѣ молодыхъ особъ, которыя находили въ ея обществѣ всѣ пріятности не столь важнаго возраста. Полагая щастіе въ щастіи своего сына, была еще щастлива своими внуками.

Сиръ Робертъ и Лади Клиффордъ, такъ какъ и Гамилтоны, переѣхали жить въ сосѣдство Ванъ-Грова, и провождали дни свои въ нѣдрѣ дружества. Доброй Голдвинъ и почтенная его супруга рѣдко отлучались отъ сего обще-

общества, въ которомъ царствовало спокойствіе съ пріятною довѣренностію, и можно сказать, что естьли щастіе обитаетъ на землѣ, то въ Ванъ-Гровѣ утвердило оно свое жилище.

Исторія Оливіи да служитъ урокомъ молодымъ женщинамъ, и да научаются онѣ познавать изъ оной, что исполняя добродѣтель, удостовѣряются онѣ въ незыблемой власти надъ ихъ супругами, и что подавая имъ доброй примѣръ, приводятъ ихъ, рано или поздно, въ разсудокъ.

Конецъ II и послѣдней части.

